

Александр Шестопалов

ЛЮБВИ НЕЧАЯННОЙ МГНОВЕНЬЯ

Вступительная статья

Замечательный Симбирский поэт Николай Благов написал такое предисловие к первому сборнику стихотворений Александра Шестопалова «Половицы»: Александр Шестопалов после окончания Ульяновского автотехникума и службы армии следуя семейным традициям потомственных рабочих, поступил работать на Ульяновский авиакомплекс. Кажется, ничто не предвещало появления самобытного поэтического дарования, уходящего корнями в глубинные традиции русской поэзии. Шестопалов начал писать уже после армии и почерк его пока вовсе не «академический». Вся забота души крепится на чем-то загадочном, как и бывает, когда мы встречаемся с настоящей поэзией.

Как там мама? Что за думы с нею?

Как погода маминых волос?

Не надо никакого увеличительного стекла, никаких хитроумных приборов, чтобы, раскрыв первую книгу Александра Шестопалова, увидеть в нем поэта с обнадеживающей перспективой. Память поэта – глубинная, историческая, творческая – пробудилась вдруг и почувствовала себя в неоплатных долгах перед былым и грядущим. Поэзия А. Шестопалова, говоря его же строками, «и молодой взлетающий побег, и белый гриб – как новый пятистенок – сосновый, крепкий, срубленный навек».

Вышедший в московском издательстве «Молодая гвардия» (в кассете из трёх авторов, под общей обложкой), этот сборник, как и две публикации Шестопаловских стихотворений в журнале «Волга» (издающемся в Саратове) удивительным образом не были замечены в Ульяновске. Мне думается, что этот факт характеризует отнюдь не качество Шестопаловских стихов, а ту неблагоприятную ситуацию, в которой оказалась Поэзия и вообще культура в это сложнейшее переходное время.

Многим любителям Поэзии известны имена поэтов Сергея Чекмарёва и Василия Кубанёва. Их судьбы сложились трагически и они ушли из жизни в начале своего поэтического становления. Но их разносторонняя талантливость, их целеустремленность на пути духовного совершенствования, их основательная подготовка к рыцарскому служению Поэзии, их короткие но яркие жизни сами по себе стали важными фактами,

необходимыми Её составляющими. В отличие от них Александру Шестопалову удалось успеть создать свой поэтический мир, удалось выйти на уровень доступной ему «поэтической мощности». Несколько десятков написанных им стихотворений по праву должны войти в сокровищницу Российской Поэзии, в её золотой фонд. А ведь многие нашумевшие и широко признанные поэты отметились там всего лишь одним-двумя стихотворениями. (И за это уже они заслуживают самую искреннюю благодарность и глубокое уважение от всех Её почитателей!).

Моя первая встреча с Александром Шестопаловым произошла в редакции газеты «Старт», освещавшей строительство Авиационного комплекса, объявленного Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. По соседству быстрыми темпами возводился большой район авиастроителей. «Новому городу» требовались свои поэты. Занятия в литературном объединении «Поиск», организованном при поддержке редактора газеты «Старт» Аллы Григорьевны Багдасаровой, не могли удовлетворить энергично созидающего свой поэтический мир Александра Шестопалова. Каких-то два часа в неделю только растравляли жажду неформального общения. Поэтому встречи небольшой (четыре, а позднее три человека), но активной группы продолжались и вне стен редакции. Я был старшим по возрасту в этой группе, имевшим к этому времени богатый опыт участия разного рода литературных объединений и немалое число публикаций, и мне было чем поделиться со своими приятелями. Обычно эти встречи проходили на кухне в квартире Шестопалова, но нередко там им становилось тесно и они «выплёскивались» на улицы и окрестные поля, на берег Волги.

Свои стихотворения Шестопалов переписывал в большую тетрадь с картонным переплётом. Мне, конечно, не терпелось в неё заглянуть, но он в руки её не давал, и стихотворения из неё читал дозированно. Определившись в своих поэтических пристрастиях, отточив своё мастерство, Шестопалов постепенно отдалялся от меня. Я это замечал и в глубине души обижался на него за это, хотя ни за что бы в этом не признался. Талант Шестопалова окреп. На семинаре молодых литераторов Поволжья, куда была приглашена довольно большая группа из Ульяновска, известный саратовский лит. деятель Бойко обещал дать Саше рекомендацию в Союз писателей. Казалось, жизнь улыбалась Шестопалову одной из самых многообещающих и пленительных улыбок. Он был молод, здоров. Рядом с ним была верная красавица-жена Алёна и подрастал похожий на ангелочка сын Данила. Шестопалов прекрасно вырезал скульптуры из дерева и эта любимая им работа хорошо оплачивалась. Его уход из жизни для меня был полной неожиданностью. Мне, может быть, без должных для этого оснований, казалось что я бы

мог отвести его от рокового шага, если бы последние год-полтора его жизни был с ним рядом.

Когда заветная тетрадь Александра оказалась таки в моих руках (с позволения вдовы Елены Ивановны), многое для меня прояснилось. В его стихах явственно прослеживалось и со временем набирало силу некое непонятное для меня саморазрушительное начало. Александр лихорадочно искал свой какой-то ему противовес, но в то чрезмерно материалистическое время так и не смог его найти. Так получилось, что я не присутствовал при последнем прощании с поэтом. Может быть, поэтому для меня он навсегда остался живым. Впрочем, по какому-то высшему счёту так оно и есть. Справедливо сказал симбирский поэт, наш современник Александр Андрюхин: «Смерть и поэзия – как-то не вяжется!»

Я считал своим долгом поведать миру о своей удаче – быть немало время попутчиком, товарищем и в какой-то степени и наставником своего талантливой земляка, Александр Шестопалов мечтал о сильной всепоглощающей, вернее, высвобождающей все душевные силы, любви, мечтал собственными руками построить дом, иметь машину, мечтал написать сильные, яркие, запоминающиеся стихи. Многие он не успел за свои 28 лет, но последняя мечта его определённо сбылась.

Виктор Малахов

Над рекой тишина. Проплывают язи воровато.
 На осочинах тонких тяжелые брызги стрекоз.
 По тропинке прибрежной прошли на рыбалку ребята,
 Вслед за ними проплыл дух отцовских сырых папирос.
 Березняк на холме. Ручейком обжитая лощина.
 Проливные дожди неприкаянных пасмурных ив.
 Где-то здесь заблудилась и бродит моя половина,
 Дымовую завесой тумана себя обложив.
 Как берёг я её! Но она забывать не умела.
 И кривить не умела своей половинкой души.
 И когда я влюбился, она не стерпела измены.

Так бывает, родная. Напрасно её не ищи.

Вдали затих утробный рокот
Громов промчавшейся грозы.
А капли барабанят громко
В бочонки, вёдра и тазы.
А окна отражают зыбко
Потоки солнечных лучей.
В одном окне твоя улыбка,
Лицо, волос шальной ручей...
И на любой из веток сада,
В дрожащей капельке любой
Твой взгляд зеленый, как прохлада,
Как воздух послегрозовой.

В краю волнистых трав и неба,
А краю туманов и росы
Не пролети, пичуга, немо,
Кузнечик, трель свою рассыпь!
Взметнись, косы стальное пламя,
Разбрызгайся, запахни, сок!
Большими, мягкими губами
Уткнись, коняга, в свежий стог.
Смущённо кашляни, бульдозер,
Уйди на цыпочках назад.
Мы сообщая об этом просим
И ты не будешь виноват
В траве, растоптанной тобою,
В испуге робкого коня,
В одной из горьких капель боли,
Уже впитавшейся в меня.

А ты, прохожий, встань, послушай,
И посмотри, и улыбнись,
А уходя, на всякий случай,
На всякий случай оглянись.

Как хорошо над Волгой ночью,
Когда свежо вокруг, темно;
Когда огней далеких строчка
Растянется передо мной;
Когда невидимо, но гулко
Промчится в небе самолет,
А в деревенских переулках
Гармонь разгуливать начнет;
Когда туманы лягут сыро,
И над костром взвьётся дым,
И чутко прикорнет Россия
Передо мною, молодым...

Вся жизнь твоя от края и до края
При звёздах забывается, и ты
Стоишь под ними, сердцем замирая
От самой непосильной высоты.
Ты восхищайся этой высотой,
Кляни себя за то, что ты земной.
Но женщину равняя со звездой,
Не ошибись, пожалуйста, звездой.

Христову обитель не рушу
Для хлесткости слога.
В лесную дремучую душу

Я верю, как в Бога.
Там каждая ветка исконна –
Люблю и жалею.
Там каждая почка – икона, -
Молюсь перед нею.
(Притворство висит для показа –
Глаза б не видали!
Отдам всю мазню богомазов
За вздох Левитана!)
Смотрите, смотрите, потомки,
Как вас обирают;
Как в каждой сожженной сосёнке
Леса умирают!
Леса собирают пожитки
В котомку тумана.
Товарищ Сенкевич, скажите
Об этом с экрана!
Пришли столбовые дороги
В таёжные недра.
Придумал бы кто-нибудь ноги
Сибирскому кедру!
Борцам против праведной веры
Живётся привольно.
Уходят леса на фанеру,
Как люди на войны.
По старой дурацкой привычке
Сокровища губим.
Леса вырубам на спички
Лесами торгуем!
И может случиться однажды –
Вкруг каждого бора,
Вкруг рощи оставшейся каждой
Поставим заборы,
И всюду, с надбавкой за лето
И ясность погоды,

Откроем продажу билетов
На лоно природы.

Трещал костер, бросая в небо искры.
От ветра дым взвивался на дыбы.
А на лугах таинственно и низко
Гудели комариные столбы.
В корзине плюхал нехотя и вяло
Широкий хвост губастого линия.
Всё то, что мне так дорого и свято,
Сегодня снова было у меня.
Ненадолго совсем и запоздало.
Но как мог я о том грустить всерьёз,
Когда заря неслышно опадала
На родники холодные берез!
Когда на травах матовые росы
Едва дрожали – робости полны,
И ширкали размашистые косы,
Срезая стебли влажной тишины.

Бабушке

Не помню я, что ты за песню пела.
Не знаю – сколько было мне тогда.
Но помню, как в тот вечер ты смотрела
Задумчиво и долго в никуда –
За стену и за дедовское фото,
И дальше – сквозь февраль, и ночь, и снег,
Как будто разглядеть старалась что-то,
Чего ещё не видел человек.
И в этот миг мне страшно стало даже –
Таким бы взглядом резать, не смотреть!

Я тихо отодвинулся подальше,
Чтобы его случайно не задеть.
Наверно, этим взглядом ты когда-то
Войну встречала у своих ворот.
Но если так, то вражеским солдатам
Он и в земле покоя не даёт.

Озёра разбивают в щепки лодки,
Затягивают их в потёмки вод.
Зато зимою нрав озёрный кроткий –
Озёра спят, закованные в лёд.
На рыбаков зелёными глазами
Глядит, глядит глубокая вода.
И сонными язами как слезами
Она безмолвно плачет иногда.

Они мои – поющие дубравы.
Они мои – лугов прибрежных травы.
Они мои – январские метели.
Они мои – весенние капли.
Они мои хотя б одним листком,
Хоть веточкой полынной, хоть цветком,
Хотя б одной единственной снежинкой
Или одним звенящим ручейком!
А я весь их. Пусть выпьют до кровинки,
Пусть заберут всё то, что я сберёг,
Но лишь бы громче бился ручеёк,
И радостней леса зашелестели,
И яблоки до золота спели,
И невзначай сквозь трели соловья
Пробилась песня юности моя!

В глуши, над тропею лосиной
Опутаны ноги берёз,
Брела над оврагом осина
С охапкою галочьих гнёзд.
Брела, замирала от страха –
От пропасти тёмной на шаг.
И вдруг оступилась и, ахнув,
Упала в глубокий овраг...
Обычное дело – не боле,
Ведь столько деревьев уже...
И не было, не было боли
В дремучей овражьей душе.
Как прежде, горланили птицы,
И жизнь продолжалась кругом.
Лишь гнезд опустевших глазницы
Незряче впились в окоём.

Мир глазами ослаб
От дымов и огня,
И однажды железом
Ударил меня.
А потом на колени,
Огромный, упал,
Мою голову он
Из кустов собирал.
И надолго
Сиделкой остался при мне.
Континенты развесив
На белой стене.
И теперь мы помазаны

Миром одним –
Он в долгу предо мной,
Как и я перед ним.

Осень, твои замыслы преступны!
В мире, где главенствует закон,
Ты виновна в самых-самых крупных
Нераскрытых кражах всех времён!
На твоей повозке оси гнутся.
Но уже за то тебя люблю,
Что не соизволишь оглянуться,
Всю листву теряя по рублю.
...Дни твои, как руки, утомили.
Я люблю, а значит, сам краду.

Остаётся холод в этом мире,
Пни, вороны, ямина от мины...
Все рубцы России на виду.

А.Б.

Унаследовав от предков
Простоту и прямоту,
Жил он, вбитый в табуретку.
Лишь одна фуражка в клетку
Выгорала на свету.
Ржою съеден, умер молча.
(Верно, плохо закалён)
Хоть и был он в цели точен,
Хоть и был он лучше прочих
Специально заострён.

Облако мороза принесу,
Ветром залечу – нежданно, шало...
Мне бы жить отшельником в лесу,
Там, где женщин сроду не бывало.
Отшатнешься взглядом от меня,
Самая...И самая чужая.
Всю до года помню, всю до дня!
...Так стоят у вечного огня,
Памятью пропавших воскрешая.
Дом тяжёлым шагом обойду
Вслед за эхом скомканного «Здравствуй»,
Виновато руки разведу,
Повернусь и снова пропаду
Где-то в тридесятом государстве.

Может быть, ты любила и пылко и страстно,
Но была высока, как над волком луна.
Не кори ты меня, не вини понапрасну.
В том, что больно тебе, и твоя есть вина.
...Всё чего-то ищу. Всё чего-то теряю.
А при встрече с тобой лишь кивну головой,
И глаза опуская, шаги ускоряю,
Потому что боюсь убежать за тобой.

Осенний пламень полыхнул по лесу.
Бушует осень, искрами соря.
А небо заливает влагой пресной
Пылающие краски октября.
И с криками за летом поспевая,

Пунктиры птиц теряются вдали.
 Зачем, родную землю покидая,
 На юг её меняют журавли?
 О, если б мне судьба родиться птицей
 И каждый год Отчизну покидать,
 Я предпочёл бы лучше не родиться,
 Чтоб расставанья горького не знать!
 Но вы летите, журавли, летите.
 Я не имею права вас винить.
 Ведь вы, наверно, тоже не хотите,
 Полёт познавши, человеком быть.

Протёрлись половицы, разболтались
 И по любому поводу ворчат.
 Ничем уже, ничем не скроешь старость,
 И за порог не выметешь печаль.
 Она, как пыль, навеена повсюду,
 Все трещинки хозяйски обжила.
 Эх, было! – Билась вдребезги посуда,
 Гранёный звон летел из-за стола!
 Давным-давно тут свадьба отгуляла
 Весёлая... А нынче – тишина.
 Как будто бы её и не хватало!
 Как будто бы она теперь нужна!
 Но тишина – прислушайся, - живая.
 Хозяева не умерли пока.
 Скрипят полы и нехотя зевает
 Дубовая махина сундука.
 И стонет, словно жалуясь на печень,
 Продавленная хворями кровать.
 И кочерга ворочается в печке,
 Чтоб потеплее было горевать,
 Вздыхать над тёмным ящиком буфета,

Где туго перевязаны тесьмой
Не просто треугольные конверты,
А сын, не воротившийся домой.

Человек, ты подумал при виде листка,
Что у крохотной почки душа велика?
Человек, ты один всей природы сильней,
А делился ли ты с нею силой своей?
Ты построил мосты и пустил поезда –
Это столько любви, это столько труда!
Почему же тот город, в котором твой дом,
На сплошной, на открытый похож перелом?

Да, труба была красива –
Не видал подобных, нет.
Я смотрел на это диво,
Что плевалось в белый свет
Черной копотью и гарью
От утра и до утра.
От души трубу ругали
Люди, головы задрав.
Мимо бабка проходила,
Подошла ко мне: «Сынок,
Коль не в тягость, проводил бы,
Уморила, сбилась с ног.
Я сама издалека.
Битый час топчусь без толку –
Не найду никак сынка.
Где-то здесь он – Петя Волков».

Чуть не плакал я в тот день,

Глядя, как у обелиска
Невесомая, как тень,
Бабка поклонилась низко.
...Из трубы столбом валил
Дым – со всех окраин виден.
Дым я этот не винил,
Да и не держал обиды
На людей, что для него
Не жалели сил и пота.
Вспоминал лишь – «Петр Во...» -
Дальше стёрлась позолота.

О, негромкий мой край, голубое Поволжье,
Ты возьми всё, что я для тебя сберегу –
И любовь, и мечты; всё, что нажил и прожил;
Всё, что я отыскал на твоём берегу.
Но прошу – не мутнеть небесами над Волгой,
Не состарить мою раньше времени мать.
Веру в вечность твою дай почувствовать толком
И мозолей янтарь на руках подержать.

На пляже темно от густого загара.
Смешки, беготня, беззаботные лица...
Летела над Волгой гусиная пара –
Забывшие птицы.
Оставив на время пивные канистры,
забыв анекдоты, всё в небо глядели.
И даже замолк чей-то хриплый транзистор.
А гуси летели.
А два старика-рыбака удивлялись,
Очки приподняли, стеклянным не веря.

От гребня волны оторваться пытались
«Гусиные перья».
Плыла тишина величаво и плавно –
Такая, наверно, была перед боем.
Она говорила о чём-то о главном
Со мною, с тобою.
И два старика видно вспомнили что-то
(Забыто в руках самокрутки дымились).
Быть может, они только двое из роты
Домой воротились.
Быть может, они из всего эшелона...
Быть может... А гуси летели над Волгой,
Над праздной толпою провисших шезлонгов,
Над пивом и воблой.
Они улетели. Ни звуком, ни ноткой
Не стал этот день, этот мир интересней.
И снова неслась из транзисторной глотки
Весёлая песня.
И многие тут же о птицах забыли,
Долёживая свою красную дату.
...Собрав тишину в рюкзаки, уходили
Два старых солдата.

Человека нынче не догонишь –
Вжал педаль и только дымный след!
И пускай ржавеет на балконе
Старый и хромо́й велосипед.
Ну и скорость! – только ветер мимо,
Залихватский свист на виражах...
Ну куда ты так спешишь, родимый?
От кого ты хочешь убежать?
Сунь в гараж ты свой десяток тысяч
И уйди туда, где робкий конь,

В копны сена доброй мордой тычась,
Медленно проходит над рекой;
Где в росе полощутся ромашки,
Лепестков выстеливая снег...
Неужели это так неважно
Для тебя сегодня, человек?

Свинцовый веер ввысь взметнулся,
Проделав брешь в тиши лесной.
Дубок зелёный содрогнулся,
Вцепившись в дым пороховой.
Упал скворец, сражённый дробью,
Вмиг обескрыленным комком.
На смятых перьях – капля крови
Горячим красным угольком.
Он умер, а сосед смеялся,
Подув в ещё горячий ствол.
Он мне вчера другим казался,
Когда на огонёк пришёл.
Мы с ним вчера уху варили
Из крутобоких окуней
И до утра проговорили
О красоте июньских дней.

Дорога приведет тебя в деревню
И ты пройдёшь задами к той избе,
Где тяжелы от завязей деревья
И женщина вздыхает о тебе.
Ты подойдёшь и встанешь у окошка.
Мурлыкая, закружится у ног,
Как прежде узнавая гостя, кошка.

Да только не откроется окно,
 И женщина тебе не улыбнётся.
 Подумаешь – зачем пришёл сюда?
 Потопчется над следом и сомкнётся
 Забывчивая травка лебеда.
 И ты уйдёшь, назад уже не глядя,
 И не увидишь ту, что у плетня,
 Накинув наспех праздничное платье
 Тебе вослед посмотрит, извиня.

Сёмка лисёнка принёс на завод.
 Люди смотрели и удивлялись:
 - Чокнулся, что ли, Сёмка наш малость?
 - Дети, какой непутёвый народ!
 - Сладко ли рыжему в кузнице будет?
 Грохот и ночи и дни напролёт.
 - Ясное дело – не проживёт... -
 Так говорили рабочие люди.
 Так говорили, жали плечами
 И уходили к рабочим местам.
 Преображая снаряды в металл,
 Молоты с новой силой стучали.
 И уходил за снарядом снаряд
 Прямо на фронт с тылового завода.
 И пролетала по цеху, горя,
 Рыжая искорка русской природы.
 Было всего-то четырнадцать Сёмке,
 Он выбивался порою из сил.
 Но подходил к мальчугану лисёнок.
 Словно ещё продержаться просил.
 - Вишь, прижился, - говорили вокруг.
 - Знает, шельмец, что не будет худого.
 - Ест, поглядите-ка, прямо из рук!

- Худенький только с пайка заводского...

Тыл, но война и сюда залетела,
Бомбовым воем прошив окоём.
Эхо войны пронеслось, прогудело
И замолчало о чём-то своём...
Люди лисёнка назвали Семёном, -
Пусть человечье, мол, имя несёт.
Верится мне – в полумраке зелёном
Он и поныне за Сёмку живёт.
Вынесший залпы кузнечного цеха,
Отзвуком тех незабвенных времен
Бродит в лесах молчаливое эхо –
Рыжий лисёнок по кличке Семён.

С зелёной шишковатой головой,
На узловатых жилистых ногах.
Сосновый бор растёт на островах.
Гуляка-ветер кроны ворошит.
И убегает дальше по волнам,
А эхо барабанит по стволам
И градом шишек по земле бежит.
На север обращён зелёный клин,
И споря с рёвом одичавших волн,
Многоголосый древний исполин.
И звуками и голосами полн.
А у воды, на корточки присев,
Густой лозняк полощется в реке.
На берегу в деревне кончен сев,
И слышится гармошка вдалеке.
...По вечерам, как будто Робинзон,
Сижу перед костром у шалаша,
А за спиной – с моею в унисон –

Трепещет многоствольная душа.

Нам было так легко и хорошо!
У края лета мы с девчонкой жили.
Я рисовал простым карандашом
Её глаза, которые любили.
Над нами птиц летели косяки,
Был каждый день иных годов дороже.
Смотрел на нас рыбак из-за реки,
Ревнуя и завидуя, быть может.
А мы смеялись, глядя на него,
Не придавая многому значенья.
...Не изменилось в мире ничего,
За небольшим, пожалуй, исключением:
Десяток раз вернулись журавли,
Густые травы сотни троп укрыли,
Друг в друга тыщи рек перетекли
И миллионы женщин изменили...

ВЫ ЖДИТЕ

рассказ в стихах

Увязая во мхах
До серёдок потресканных ставен,
Средь дремучих лесов
Деревенька куда-то бредёт.
Два десятка домов –
Под любой так и хочешь подставить
Хоть плечо для поддержки –
Того и гляди упадёт.
Слышно, как ветерок
Веткой яблони гладит по крыше,
Как в трухлявом бревне

Воробей копошится весь день,
Как гудит комарьё...
Даже, кажется, прошлое слышно,
Даже, кажется, сердце,
Но только не голос людей.
...Крайний дом. Во дворе
Лебеда, конопля и репейник.
От калитки тропа.
От крылечка тропа в огород.
Громыкнуло кольцо,
Половицы едва заскрипели,
И потёрся о ноги
Ободранный заспанный кот.
Вышла Баба Яга –
Оказалось потом – баба Дуня.
Вышел леший за ней –
Оказалось потом – дед Мирон.
...И всё лето прошло,
Словно долгая-долгая дума,
Словно тихая песня
Давно позабытых времён.
Выстилались под ноги
Немятые буйные травы.
(И поныне я этими днями
Повсюду хвалюсь!)
И налево манила,
И тут же манила направо
Сторона моя – сказка –
Великая древняя Русь.
Обступали меня
Земляничные звонкие рощи.
Подбегали ручьи,
Кувыркались и мчались за мной.
Жизнь казалась такой,
Что, наверно, не выдумать проще,

Что, наверно, уже,
Никогда не наступит иной.
Мне твердили об этом
Щеглиные звонкие трели
И в ночной тишине
Полнолунные песни сверчков,
А с морщинистых стен
На меня, не мигая, смотрели
И просили остаться
Старушечьи взгляды сучков.
Бабка Дуня цвела,
Как в саду запоздалая вишня.
Дед Мирон молодец,
Словно дерево после дождя.
Застоявшийся век
За порог потихонечку вышел
И пошаркал деревней,
Другие века бередя...
И теперь из окна,
видя руки и лица деревьев,
Как в набитый трамвай
Захожу в свою память с трудом.
Вспоминаю – бредёт
По лесам по могучим деревням.
Вспоминаю – стоит
Покосившийся старенький дом.
Кот сидит у окна,
Равнодушно косится на птицу.
Дед Мирон греет спину свою
У облезлой печи.
И поёт бабка Дуня
И жизнь свою нижет на спицы.
И в открытом альбоме
История века молчит.
Вспоминаю, как я, уходя,

Говорю на пороге:
 «Без меня не скучайте
 И ждите. Приеду опять».
 ...Ничего не забыл.
 Не могу только вспомнить дороги.
 А, быть может, могу.
 Нет, пожалуй, боюсь вспоминать.

Вдогонку другу

Разогнал мальчишек: «Цыц, пшено!»
 Хлопнул дверцей, взвизгнули колёса.
 Был и нет. Бензинное пятно.
 Брошенная рядом папироса.
 Подступили, в окна вмерзли дали...
 Милый друг, ты молод, шумен, лих.
 А уж за тобой следы увяли
 С дерева дорог пооблетали
 И лежат на дне дождей былых.
 Милый друг, с былым не разминуться!
 Где-то, от скитальчества устав,
 Так тебе захочется вернуться,
 Переждать душевный ледостав!
 ...Слухов о тебе набрав охапку,
 Будет потихоньку таять мать.
 Будет сын расспрашивать про папку
 И среди людей его искать.
 Дом закатный телом согревая
 (Чуешь, а в душе-то полынья!),
 Будет ждать, разлукою больная,
 Прожитая женщина твоя.

Истекала вишня каплями заката.
 Далеко тянулся розовый простор.
 На окошке тёмном оставляя брата,
 Медленное солнце уходило в бор.
 По звезде упало в каждую росину.
 Вытоптала тропку в озере луна.
 И лежала всюду – не объять – Россия,
 Самая большая вечная страна.
 Тяжело и сонно тело распластала.
 Сколько в ней дыханья! Сколько воли в ней!
 А меня в России так ничтожно мало! –
 Даже не хватает женщине моей.

Убили пса. Повесили на леске.
 На ветку ивы, вставшей над рекой.
 Убить вот так же запросто и зверски
 Мог лишь фашист. А кто еще другой?
 Но тут война ни звуком не осталась.
 Такая тишь! Покой и мир во всём.
 ...Приманкой послужившая, валялась
 Конфета, не доеденная псом.
 Висел тот пёс. В глазах его, казалось,
 Не боль застыла. Нет, в них, как в стекле,
 Застыла только жалость, только жалость
 К несъеденной конфетке на земле.

Идет весна – творение небес,

Распаханных грачиными крылами.
 Гудит листвой, качает гнезда лес.
 Идёт весна. И молодеет мама.
 И как-то раз, разбуженный дымком,
 Из печки старой, ты проснешься утром,
 И очутившись где-то далеко,
 Переживёшь короткую минуту –
 Минуту детства, глядя как из рук
 Заботливых на противень садится
 Как будто на зелёный вешний луг
 Из поднебесья жаворонок-птица.
 Услышишь ты: «Сынок, пора вставать».
 С улыбкой мать одёрнет занавески.
 И будет лучик солнца приставать
 К твоей щеке, колючей не по-детски.

Уходит день. Ложатся тени длинно,
 расплывчато. И краски угасают.
 Устала туча и легла в низину,
 И тишина вошла в неё босая.
 И плач цикад – за трелью трель – навзрыд.
 Ложится солнце в озеро, как в зыбку.
 А березняк стоит себе, стоит,
 Похожий на широкую улыбку.

Я по своей натуре не ездук.
 Но вот теперь всё чаще уезжаю
 Туда, где поля жеребьячий вздох
 Меня тепло и ласково встречает.
 Там небо прикорнуло на лугах,
 А не на жёстких угловатых крышах.
 Там жаворонок виснет в облаках

И так поёт – на всю округу слышно!
Там – тихая – застыла над рекой
Моя деревня женщиной усталой.
Зовёт меня и машет мне рукой.
А в окнах слёзы встречи запоздалой.

Поле в глазах твоих –
Доброе влажное поле.
Прячется в рожь
Сорная прядь васильков.
До горизонта пологое небо.
След самолётный вдали.
И тишина медленно мимо течёт.
Веки сомкнёшь и полмира
Утонет в глазах.
Выдохнешь слово –
Умрёт тишина на лету...
Мир опрометчив,
А может быть, просто наивен.

В бездонную росину посмотрел,
Увидел два уменьшенных лица:
Твоё и то, что так осточертело.
Там шмель тяжёлое тащил по ветру тело.
С ветлы на травы падала пыльца,
И грач шагал туда-сюда без дел.
Там было много разного всего.
Казалось, там далёкий гром ударил.
Казалось, там твой голос уместился.
Весь мир в росине маленькой крутился,
Летал и пел, подбрасывая дали...

Я вздрогнул – не случилось бы чего –
Так в мире этом близко до беды!
...Росина, мир – две капельки воды.
Две капельки, и как они похожи!
И обе полны слабости и дрожи.

Темень – что беда бескрайняя.
Вой летит из тишины.
Верно, просит подаяния
Волк последний у луны.
В ястребиных лапах дерево
Тащит мёртвое гнездо.
На глазах домов потерянных –
Как на кладбище, крестов.
Старина своё отшаркала.
Что теперь? – одна труха.
Сколько ж было в мире шаткого
Кроме этого стиха?
Сколько ж тёмного, никчёмного
Я ещё впитать смогу?
Вон уже какие чёрные
Капли следа на снегу!
Сколько ж мне в вину запишется
Обворованных ночей?
...Волчий вой так явно слышится.
А не пёс ли это чей?

На песке, заваленном корягами,
Чаяк треугольные следы.
А обрыв, изрезанный оврагами,

Поднялся как будто на дыбы.
На обрыве мачтовыми соснами
Лес на Волгу смотрит свысока,
На далёкий берег, что полоскою
Подчеркнул тугие облака.
На песок – на золото калёное –
Падаю. И дышит надо мной
Кронами – как лёгкими зелёными
(Шумно, жадно, - будто воспалёнными) –
Лес, пронзённый свежестью речной.

Вытянувшись ниткой
В перелётной дали,
Медленно и низко
Птицы улетали.
Голову забросив
Над колодцем нашим,
Молча встретил осень
Журавель озябший.
Выли псы понуро.
Будки раззевались.
На листве на бурой
Яблони топтались.
Но о чём-то вечном –
Н тоски, ни смуты –
Треснувший скворечник
Пел и пел кому-то...

Какой мороз! В лесу война идёт:
Стреляют сосны – с веток птиц спугнули.

И временами кажется – вот-вот
Замёрзший взгляд обломится от пули.
Ты в мире и во времени ином,
Где нету для тебя ни стен, ни двери,
Когда трещит в чащобе бурелом
От пламени взметнувшегося зверя;
Когда картечь сорок над головой
Сорвёт с деревьев тучу снежной пыли...
Всё это потому что ты – чужой.
Ты – дерево, которое срубили.
На пальцах леса твой сосчитан век.
Тебя не прогоняют и не судят,
Но ты уже не нужен, человек!
...Утихнет лес. Уложит зверя в снег.
И медленно следы твои забудет.

И хотел бы, да забыть нельзя,
Потому и больно мне порой –
Памятью хранимые друзья
Иногда проходят стороной.
Разветвились попросту пути.
В суматохе нынешнего дня.
Но никак от чувства не уйти –
кажется, что продали меня.
А за что? Окликнуть бы, спросить,
Да в чужую душу не залезть...
Купленных друзей не может быть,
Почему же проданные есть?

Спыхвачусь порою – молод! Молод!
И такого дела захочу,

Чтоб огонь, железо, мышцы, молот!
 Кажется, и горы сворочу!
 А душа замечется, забудется.
 Удивлюсь – да сколько ж силы в ней!
 Иногда сама собой уймётся,
 Иногда не сладишь, хоть убей!
 Вот бы душу вызволить из тела
 Да и сжать её в тугой кулак!
 Волю дай – на всём на свете белом
 Не отыщешь больших забияк!
 Берегись тогда, спасайся, недруг!
 Ну а коли просто для добра,
 И в её мозолистые недра
 Втиснуть рукоятку топора,
 Да во всю её шальную силу
 Помахать в лесах хотя бы день,
 Сколько б новых выросло в России
 Молодых сосновых деревень!

Не одни нам радости от века.
 Жизнь порой – как фраза напрямик.
 Вот опять не стало человека –
 В день весенний умер фронтовик.
 Их теперь не двадцать миллионов.
 Сосчитайте, дюжие умы!
 На планете множество законов,
 Мало справедливости, увы.
 Но поставить вечному условий
 Не вольны и сами-то века!
 ...Митинг был не очень многословен
 На могиле талой старика.
 И короткий – полчаса, не боле

Этот митинг траурный звучал.
Он преподавал до смерти в школе –
Миру в гимнастерке обучал.
Миру... Людям нет одной дороги,
Потому (давно уж без войны)
На земле, как на речном пороге,
Никогда не будет тишины.
Старый... Седина его святая –
Из войны не даром выйдя цел,
Грудью, не спиною раны зная,
Он кривить душою не умел.
Не шальная пуля погубила,
Мог бы жить ещё не год, не два...
Рот разинув, слушала могила
Никому не нужные слова.
Рядом дети, сгрудившись, стояли –
Целый полк его учеников.
Ничего ещё не понимали
И ни в ком не видели врагов.
А у тех – глаза (услышать можно)
Хохотали, только всё равно
Иногда косились осторожно –
Не смекнул ли кто из гороно.
Гроб ещё тихонько опускали,
А они (стерпеть уж не смогли)
Торопливо руки запускали
В гору свежевырытой земли,
Вроде чтя обряд. На самом деле
Мстить желала каждая рука.
Комья, комья, комья полетели
В молчаливый гроб военрука.
Разошлись – у каждого по делу.
...Далями и свежестью полна,
Над землёю новая летела
Мирная пахучая весна.

А в тиши над старыми крестами
Ожил вдруг, забился автомат –
Дятел бил и бил очередями
Запоздало. Долго. Наугад...

Полон солнечного света
К Волге вынесся ручей.
Вверх выбрасывает лето
Из-за пазухи стрижей.
А волна на берег рвётся,
Зарывается в песке,
И смеясь, смакует солнце
На зелёном языке.

Я такого не помнил,
Никогда не видал –
Как овсяное поле
Пожар поедал;
Как от края до края
Погорел весь овёс,
И рыданье, рыданье
Из конюшен неслось...

Месяц подковой зажжётся.
Звёзды – как шляпки гвоздей.
Вслушаешься – раздаётся
Из лесу шорох груздей.
Вздохи уснувшего зайца,
Ветер от крыльев совы...

Слышишь, как веточки-пальцы
 Трут желудиные лбы?
 Слышишь, как чисто и звонко
 Капает в травы роса?
 Тихо доносятся с Волги
 Грустные всхлипы гуся.
 И в дополнение звуков
 (Чувствуешь, как оно бьет? –
 Властно, упрямо и гулко) –
 Сердце живое твоё.

Ночные светляки – глаза кошачьи.
 Неслышные шаги на чердаке...
 Вернулся кот. Хотели мы иначе,
 Его однажды бросив вдалеке.
 Всем надоел он, жулик одноухий.
 Полдня – куда глаза глядят – несли.
 А он, бродяга, всё равно унюхал
 Неуловимый дух родной земли.
 И ни колёс, ни крыльев не имея,
 Нелёгкий путь сумел он одолеть.
 ...Пряатель, я пишу тебе не смея
 В его глаза открыто посмотреть.

Дверь открою сквозному простору навстречу.
 Ветка дерева мягко коснётся волос.
 Крик таящейся птицы услышу далече,
 Для которой в ночи тишины не нашлось.
 Крик растает в полях. С низовыми дымами
 Перекрутится нитка далёких огней.
 Я хотел бы послать сновидение маме,

А ещё – перелётную строчку о ней.
Чтоб, ничем не напомнив про страны иные,
Унеслась она к маме уставшей моей.
Чтоб услышалось ей, как в луга заливные
Забрела дорассветная песнь косарей...

Петля проворчала заученно.
Он вышел и сел за порог.
Дымилась сигарка трескучая,
И темень лежала у ног.
Ни звука в открытую дверь не шло,
Лишь изредка шоркаласьмышь.
Он слушал сутуло и бережно
Над миром нависшую тишь.
На грязном залатанном ватнике
Вся жизнь его, как ни крути.
Сидел он – озябнувший, маленький,
И, вроде, боялся уйти.
Ему ль на работу не затемно?
...Замри, проходящий, замри
Пред тем, кому так обязательны
Бессонные думы земли.

Яблоко последнее упало.
Тишина в озябнувшем краю.
Пролетела птица запоздало
На вторую родину свою.
Дым дождя. Угрюмо, сыро, серо...
Не поймёшь: дорога ли, река?
По полю плывёт на запах сена
Маленькая тучка русака.

И на месте бывшего омета
Кружит, кружит, словно ждёт кого-то...
Как там мама? Что за думы с нею?
Как погода маминых волос?
Люди в это время не грустнеют,
Лишь о многом думают всерьёз.
Взвешивают прошлые потери,
Вспоминают старых матерей...
Оттого и птицы улетели,
И опали яблоки с ветвей.

В лесу, где тишина царила,
Я так шумел, что слышно было,
Пожалуй, даже глухарям.
Сорока в ужасе застыла,
Услышав этот тарарам.
Трещал валежник под ногами,
Трухою брызгали пеньки...
Они владели полной гаммой
Всех звуков леса, сапоги.
Не мог я тише. Не умел я.
И – встал, как вкопанный. Стоял
А рядом иволга сидела
И, не боясь нисколько, пела.
Так близко! Захотел бы – взял.
Ну, вот и думай – нет чудес!
Со мною вместе слушал лес.
...Но вдруг на самой верхней ноте
Сломалась песня. Крыльев взмах...
Вспорхнув в стремительном полёте,
Укрылась иволга в ветвях.
А вдалеке, с дубами слившись,
Охотник проскользнул неслышно.

Лукаво глянул из-под снега,
Лицом к лицу столкнулся с небом
Подснежник – вешний первоцвет.
Ну, так и просится в букет!
Синеет он, цветёт, буянит.
В сосновом сумраке лучом.
Как будто знает – самый ранний,
На смерть он первый обречён.

На лугах низовые туманы белёсы.
Колкой утренней рябью укрыта река.
Солнце встало, забыв отраженье у плёса,
От дымков деревенских прищурясь слегка.
И зависло – рукою достанешь – так низко!
Загорланил петух, разгребая золу.
Громыкнула калитка, и местный Анискин,
Поправляя фуражку, пошёл по селу.
Деревенское утро...Пропикало восемь –
Города начинают работою жить.
А уж здешний мужик на далёком покосе
Весь насквозь пропотел и пошел покурить.
Сел. Усталые руки висят на коленях.
Словно комель дубовый тяжёл, угловат.
Жизнь пыталась его развалить на поленья –
Вон лопатки в спине топорами торчат!
Подхожу. Говорим. И – на совесть отбита –
В травах сочных коса улыбается мне.
Что бы ни было – наша земля не забыта.
Люди делают дело своё на земле.

Ночь укроет причал. Пароходы прижмутся к бетону.
 В тёмной глади воды звёзды с месяцем молча утонут.
 И остынет штурвал, и на гвоздик фуражку повесив,
 Прикорнёт капитан под летящую с берега песню.
 Прикорнёт капитан, лишь угаснут огни городские.
 Будут сниться ему величавые волны морские.
 Будет сниться ему белокрылый полет альбатросов.
 И огромный корабль меж могучих ледовых торосов.
 Он во сне поплывёт открывать неизвестные земли.
 ...Ночь висит над водой, мирно Волга усталая дремлет.
 На пологой волне пароходы качаются сонно.
 В каждом спит капитан, каждый видит могучие волны.
 Проведут они ночь там, где с детства их души витают,
 Там, где их корабли за далёкой мечтой уплывают.
 Но проснётся река, а с рекой и они, капитаны,
 Забывая тотчас про моря и про дальние страны.
 И по Волге уйдут, разрезая ожившую воду,
 Догоняя рассвет, работяги реки – пароходы.

Пели песни весело и вольно –
 Деревенской свадьбе нет границ!
 Затихали все былые войны
 От хмельного стона половиц.
 Забывались все дела, покуда
 До упаду пляшется селу
 И грохочет счастливо посуда,
 Разбиваясь в брызги на полу.
 И плевать на тяжкое похмелье!
 ...Нынче свадьба далеко не та.
 Ладно хоть осталось в ней веселье,
 Да невест шальная красота.

Было время – я ни дня не знал,
Чтобы время даром пролетало.
Я тогда ковал и гнул металл,
А теперь скучаю по металлу.
Было время – стриженный под ноль,
Яро изучал науку боя.
Нынче снова стала тишиной
Тимшина, расстрелянная мною.
Было время – сто друзей имел,
И душа, как нынче, не болела.
Сколько интересных было дел!
А теперь одно осталось дело.
Но, страничку эту беребя,
Не зови меня, как прежде, милый.
Было время – я любил тебя,
Потому, что просто время было.

Я уезжал не на два года
(Два года – это для бумаг)
Туда, где нету непогоды,
Туда, где нету добрых мам;
Но есть железные уставы,
И твердь мозолей в сапогах,
И с ног валящая усталость
На бесконечных маршбросках.
И колкость ёршика в пилотке,
И корка соли на спине,
И обжигающая глотку
Перловка – всё как на войне.
Там полигон не слышал сроду

Обыкновенной тишины.
Казалось мне – не на два года,
Казалось мне – на полвойны.
Но знал я, что не будет боли,
И что не будет смерти, знал.
И вот поэтому всего лишь
Я на два года уезжал.

Полигон. Тишина. Мыслей рой.
Не тоскуй. Натощак не кури.
И поглубже в зрачки свои скрой
Слабый лучик родимой зари.
Всё, что здесь на тебе – не твоё.
Всё, что здесь – для кого-то из них...
Придуши автомат за цевьё,
Чтоб навеки постылый затих.

Бляху выдраю до блеска я,
В гул казармы окунусь.
Эх, «губа», - тюрьма армейская,
Жди меня и я вернусь!

Был подъём и горящая спичка,
И взлохмаченный заспанный строй.
Он шагнул в этот строй по привычке,
Встал и вспомнил - сегодня домой!
Старшина, выдавая парадку,
Назовёт, не сдержавшись, сынком.
Скажет: «Знаю, что было несладко,

Трудно было...». Но это потом,
Дом родимый. На счастье посуда...
И девчонки застенчивый взгляд.
Всё потом. Всё потом, а куда
Он в строю. Это значит – солдат.
Он смотрел на притихшую роту,
И смотрела она на него,
Понимал, что теряет чего-то,
Но не знал еще толком – чего.
Он попозже оценит потерю,
По-мужски погорюет о ней...
И ещё нерушимей поверит
В свет, и мир, и покой матерей.

Годы проходят. Тоской по тебе не болею.
Ты прошумела недолгою летней грозой.
Травы пригнулись, от влаги живой тяжелея, -
Ливень прошёл неширокой в лугах полосой.
Эхо потом, затихая, назад пролетело.
Люди из окон тебе посмотрели вослед.
Ты совершала хорошее доброе дел,
А за тобой даже маленькой радуги нет.
Годы проносятся. Тучи и отзвуки тают.
Я за собою следы оставлять устаю,
Коиx уже на планете с избытком хватает.
И благодарен тебе за бесследность твою.

Есть в мире зло. Оно живуче.
Но сколько рядом доброты!
Когда укроют солнце тучи, -
Цветут и светятся цветы.

Когда, от холода мертвея,
У птицы сложится крыло, -
Я эту птицу отогрею
И отпущу зиме назло.
Полмира нынче слышат пули,
Жить приспособившись в огне.
А ветры дуют, как и дули,
Хлеба поспевшие сутуля
На милой сердцу стороне.

В дождь в избу меня втащила –
Пожалела, вишь, - старуха.
И обсох я, и согрелся
Озорною медовухой.
И наелся, и наспался
На печи под полушубком.
Позабыл вокзал горластый,
Позабыл автобус шумный.
Хорошо в избе! Потёмки.
Тихо. Древние иконы.
Деревенский дух исконный...
Попрощался я с хозяйкой,
Погостил, ну и довольно!
И пошёл повдоль порядка
Мимо старой колокольни.
На штанах её шершавых
Крепостной могучей кладки
Выгорали и ветшали
Объявления – заплатки.
Постарались горожане –
Запятые, ударенья...
Объявления гласили
О покупке всей деревни.

Не родня он мне, да и не друг,
 Просто неназойливый сосед.
 Встретимся – не пожимаем рук,
 Будто бы встречи нашей нет.
 И живем, друг друга не виня,
 Я и он - похожий на меня.
 Внешность и характеры точь-в-точь,
 Но лишь только этим мы родны.
 В остальном же словно день и ночь
 В разные концы разведены.
 Он – герой, каких на свете нет,
 И гигант по силе и уму.
 Я же просто грешник и поэт,
 И во всем завидую ему.

Вот бы жизнь хорошая была,
 Если б оживали зеркала.

Влетит в окно. Хлестнет по стенке шторой,
 Тетрадку полистает ветерок.
 И скажет мне: ты недодумал что-то,
 Не сделал что-то из того, что мог.
 Лизнёт в лицо. Потреплет по-собачьи
 Несорванный листок календаря.
 И скажет мне: ты мог бы жить иначе,
 Судьбу свою и жизнь благодаря,
 Тоски и одиночества не зная.
 Ни капли грусти в сердце не тая...
 К чему она – растрёпанная, злая,
 Прокуренная – молодость твоя?

Я ветерку ни словом не отвечу.
Он улетит обратно из окна.
Как женщина, как тёплый летний вечер,
Придёт ко мне босая тишина.
Оглохшая от песенок дешёвых.
Забытая бурлящей новизной, -
С истерзанной простреленной душою,
Тихонько помолчит она со мной.
И вспомню я, что где-то там, - за дверью –
Мой старый дом, обжитый тишиной,
В который я уже почти не верю
В сегодняшней скандальности земной.
Дом, где мой голос так сегодня редок,
Как письма долгожданные с войны,
Как тихий сон контуженного деда,
Не знающего больше тишины.
Я вспомню тишь медлительных закатов,
Немногословье утренних озёр.
Я вспомню, как однажды стал солдатом
И тишину расстреливал в упор.
И вновь уверюсь – нет, не жить иначе,
Пока со мною рядышком она,
В которой я хоть что-нибудь да значу, -
Российская, родная тишина.

Зима. Белы и лес, и поле.
Молчат в курятнях петухи.
Но так же ярко пышут зори
И так же звонко-высоки!
Дома, присевшие в сугробы,
Глядят прищуренно в снега
Холодным взглядом, но без злобы,

И птиц зовут издалека.
Зима. Белым-бела округа.
Так далеко слышны шаги!
И подпоясываясь туго,
Стоят над трубами дымки.

Словно взбунтовавшись против песен,
Смысл которых знаешь наперёд,
И которым мир сегодня тесен, -
Воробей на дереве поёт!
Замолчало дерево, застыло –
Видно, песня за душу взяла.
И меня та песня поманила
И в былое время увела.
Думал всё вокруг увидеть новым!
... Тот же старый мир передо мной.
Ничего не вижу в нём иного.
(Только сам немножечко иной)
Голоса его, слова и звуки
Впитываю всё ещё душой,
А уж псы, обнюхивая руки,
Смотрят недоверчиво – чужой.
Крикнул было: «Эй, земляк, послушай!»
Пареньку, что шёл невдалеке,
И осёкся – тот на всякий случай
Папироску спрятал в кулаке...
Я ушёл. Ни окрика, ни вздоха
Мне вослед. Лишь ветер по спине.
Видно, без меня не так уж плохо,
Если все забыли обо мне.
Пожалеть бы, да, вот, не жалею.
Длится жизнь и Родина моя.
Лишь бы только пелась веселее

Простенькая песня воробья.

Хорошо ль тебе, родная,

Без моих друзей:

- Без цветка, что к тропке вышел

Посмотреть людей?

- Без грачонка, что ни разу

Не слетал на юг?

(Он исполнил так бесстрашно

Свой смертельный трюк!)

- Без волчицы, что сквозила

Тропкой кабана?

(Как её любили слушать

Люди и луна!)

- Без солдата, что глядел

На мир глазами пса?

(Он под ноги оккупанту

Выбросил глаза)

...Кто заменит их:

- Та девка – вся сплошной вельвет?

(И вельвет, наверно, выцвел

И – давно – букет)

- Тот пацан – гроза гнездовой?

- Или тот лесник?

(Я б ему ярлык навесил

С надписью «мясник»!)

Тот, чья форма цветом в небо

Не для подлецов?

(Он попал слепому в сердце,

Хоть и бил в лицо.)

Хорошо ль тебе, родная?

Что сказать ещё?

- Ненавидь меня, родная,

Если хорошо!

По весне над Родиною жмурки
Распустились веткой в небесах.
Прорва далей (глянешь – сердцу жутко)
В девичьих оттаяла глазах.
Светлые, насквозь живые дали!
Их простор уж столько раз манил!
Ноги землю твердую теряли –
Так меня в глаза свои влюбляли
Нынешние сверстницы мои!
Нет покою. Дома не сидится.
Да и как тут можно усидеть,
Если городские даже птицы –
Воробьи простые, да синицы –
Самой популярнейшей певичке
Нос легко способны утереть!
Да, весна идёт напропалую,
Раздвигая грудью берега,
Даже, вон, болотину гнилую
До глухой трясины бередя!
Ни единой не грешу припиской, -
Нет весны, чем русская, вольней!
...Но как больно видетьobeliski
На весенней Родине моей!
Высятся – тяжёлы и громоздки,
Скорбным назначением страшны.
Вместо них могли бы встать берёзки,
Если б только не было войны.
И они, как будто понимая,
Что забыть о страшном не дают,
Каменные стебли напрягая,
Звёздами цветут, цветут, цветут...

Тяну родовую суровую нить.
 По свету брожу – небесами ссутулен.
 Вчерашние ливни приходится пить
 И помнить о ветрах, которые дули.
 И всюду, где звоном исходит листва,
 И тикают с веточек сбитые капли,
 Найдётся такой, что качает права
 (В ушах-то, гляди, понатыкано пакли!)
 И в нём, и в подобном злой умысел жив
 (В душе, что в распадке дремучем аукай):
 Он, даже родную планету убив,
 Убийство её обоснует наукой.
 Живу не из мести, живу не со зла,
 Но рук от мозолей ничем не очистить.
 Как жизнь ни хотела, да вся поросла
 Лесами ненужных надуманных истин!

Скорость – бедствие века.
 Родимая, так тороплюсь!
 Постоять бы чуток,
 Да в дымах задохнуться боюсь.
 Друг мой жил, прикипел
 Золотыми руками к рулю.
 Я теперь ему в памяти
 Мягкие травы стелю.
 В наркоманию скорости
 Вовлечено пол-Земли.
 Мир не сходит с ума,
 Человечество может сойти!
 Вон как медленно тучи

По сколькуму небу пошли,
Вон как мчит самолёт,
Растоптав тишину на пути!
Мы стремительно лепим
Повсюду свои этажи.
Мы, не помня себя,
Как вершин достигаем чинов.
Это стало повальным –
Сначала полжизни прожить,
А потом запоздало подумать –
Во имя чего.

Ты в ногах у деревьев
Растёшь, теневая трава.
Вознеслась высоко
И держать свои листья устала.
Головою качаешь,
Качать не умея права,
Потому до светила
Бескровным лицом не достала.
Да светило одно –
Не подвластно оно дележу,
Потому на Земле
Никогда не исчерпаешь тени.
...Я пригоршни хорошей
И ясной погоды держу,
А уж гуси опять
Потихоньку на юг полетели.
По планете гуляют
Не только ветра и дожди.
Люди тоже меняют
Свои города и кочевья.
Теневая трава, ты в судьбе

Просветления жди,
Но молись, чтобы жили
Твои вековые деревья.

Будто вымерло всё. А в колючем саду
Ветер бродит и бродит, тяжёлый и серый.
Всё, что светлого встретилось в этом году,
Вместе с мокрой листвою на землю осело.
Пролетел, монотонно урча, самолёт
Белой птицей – такой неуклюжей и странной.
Вдаль куда-то унылую песню поёт
Человек, от вина и от ветра румяный.
Всё, что лишнего в мире – ненужная ложь!
Постою и послушаю звуки погоды.
Будто вымерло всё, а склонившийся дождь
Принимает у рощи осиновой роды.

Стою на Волжском берегу –
На круче, временем слоёной.
Деревья на обрыв бегут,
Шумя листвою своей зелёной.
Тревожно вслушиваясь в вой,
По венам гонят жизни соки,
И смотрит на простор широкий,
Покрытый пеной штормовой.

Время – ветер с колкими дождями –
Так и норовит насквозь продуть.
Я хожу различными путями.

Времени один указан путь.
Вдруг душа наполнится восторгом –
Вон какой огромный перевес!
... Жаль, что не пройти по всем дорогам,
Потому, что времени в обрез.

Моя война была в ребячьих снах,
И в шумных играх на задах села,
И в дедовых тяжёлых орденах,
И в цыпках и царапинах была.
Она теперь осталась на задах,
Где лопухи, полынь да молочай.
И нет сегодня цыпок на руках,
И нет давно моих «однополчан» -
Уехали, забыли о былом,
Заботами, как мхами, обросли.
Но я уверен твёрдо – за селом
Мы до победы всё-таки дошли!
Пусть раны к непогоде не болят,
И о прошедшем память не горька,
Но наши роты всё равно стоят,
И в каждом взгляде – боль фронтовика.

Не дожидаясь бури лютой,
Упали яблоки в саду.
А я по золоту, обутый
В ботинки грязные, иду.
Когда бы тут была ограда,
Когда бы тут кобель цепной.... –
Ушел бы я пустой из сада?
Не знаю, - сад-то золотой!

Но мне запрета никакого,
И никакой на мне вины...
Иду из сада золотого –
Лишь ветви вслед разведены.

В тот час, когда в саду опали груши,
Струилось бездорожье по планете.
Свою нагую, маленькую душу
Ты на холодный выставила ветер.
И всюду за тобою, как ребёнок,
Она уже полжизни отходила.
...Я душу твою вынянчил с пелёнок,
А ты её взяла и простудила!
Но я твоих привычек не нарушил, -
И доктора бывают бесполезны...
Её б лечить, простуженную душу,
А я писал историю болезни.

САВВА

Савва сыч-сычом в четырех углах
Средь мышинной тьмы четырёх углов.
Вся изба его будто ночь темна, -
Луч, как бледный лист, на стене присох.
Савва в темь-чулан не спеша идёт,
Где повил паук потайную сеть.
Там стоит – мутна, как весенний лёд, -
У стены бутыль с первачом на треть.
Рукавом с неё отирает пыль,
И несёт её на скоблённый стол.
Тяжела бутыль, как его костыль,
На котором он от войны ушёл.

Много ль в ту бутыль можно влить вина? –
Может литра два, может, литра три.
А у Саввы, ох, велика она!
Велика она – целый мир внутри:
Миллион дорог, горизонта нить,
Свет живой травы небесам навстречь...
Савва мог прожить, да решил пропить.
Он бутыль несёт, не дай Бог разбить!
(Вот бы нам свой мир так уметь беречь!)
...И промчался день, как недолгий сон,
И последний луч вдалеке потух.
А в избе то вздох, то стаканый звон,
То унылый стон опьяневших мух.
...Есть у Саввы пёс, как хозяин хром,
Но и средь волков не отыщешь злей.
Как залает он – загремит нутром –
Тишина стоит по округе всей.
А собачья рать – к животам хвосты –
По дворам сидит, да кусает блох.
Голоса слышны аж за две версты:
«Поскорей бы ты, окаянный, сдох!»
Савва хвалит пса: «Коль усну хмельной,
Подойди ко мне – задерёт в момент!
Сколь уж раз хранил от руки лихой!
Потому по мне лучше друга нет».
Говорит он так – лишь народ смешит.
Друг-сосед и тот на него плюёт, -
Мол, налил глаза, так пускай лежит!
И, махнув рукой, стороной идёт.
Только сын родной (коли сам не пьян)
Подойдёт к нему и без лишних слов
Сапожищем пса оттолкнёт в бурьян,
И сгребёт отца, как вязанку дров.
Занесёт в избу Савву, свалит с плеч.
- «Отрезвей-ка ты, старый хрен, пока».

Отстегнёт костыль, зашвырнёт на печь.

- «Отрезвеешь, вон на печи нога».

И уйдёт.

... Темно. За окном огни.

Савва спит. Изба теплотой бедна.

И уходят сны. И уходят дни.

И уходит жизнь – как ушла жена.

МАЛЬЧИШКИ

рассказ в стихах

С дороги – в лес, в темнеющую чащу,

Где с каждым шагом глубже рыхлый снег,

Деревья выше, а стволы всё чаще,

И не оставил следа человек.

Зато звериных больше с каждым шагом.

Вон лисий след цепочкою лежит,

А вон сохатый вышел из оврага

И, кажется, земля ещё дрожит.

- А ну, браток, давай его завалим! –

Попутчик мне, ружье наперевес.

И я ответил, головой кивая:

- А что, давай. А чем не шутит бес!

Мы осторожно шли тропой лосиной.

«Опомнись, ты! Куда пошёл, дурак?» -

В мозгу сверлило, отнимая силы.

А я не мог опомниться никак.

«Быть может, отказаться?»... Неудобно.

Отговорить попробовать?... Да нет».

... Всё уводил и уводил от дома

Проклятый, бесконечный этот след.

Но вот поруб.

- Передохнем?

- Пожалуй.
Мы сели, закурили. Хорошо...
И вдруг я вздрогнул так, что сердце сжалось –
Невдалеке – в кустах – сохатый шёл.
Попутчик мой его увидел тоже,
Мгновенно напружинился, привстал.
- Так...Подымайся... Тихо!...Осторожно...
Давай вдвоём, чтоб сразу наповал...
Но что-то просквозило в этих фразах
Напуганное, детское слегка...
И дрогнула, курки взведя не сразу,
Нетвёрдо, по-мальчишечьи, рука.
Мы разошлись и залегли в сугробы.
Зверь близко. Не захочешь – попадешь.
И вот он встал – огромный, мощный, строгий.
А взгляд лосиный говорил – не трожь!
Парок морозный вился над рогами.
Искрилась морда – в инее бела.
И вся природа любовалась с нами.
Она от нас плохого не ждала.
Катилось солнце в бесконечной выси –
И прямо в этот яркий, жёлтый круг
Два выстрела, в один сливаясь выстрел,
Жаканы глухо выхаркнули вдруг.
Качнулось небо, поглотив жаканы.
Морозный воздух, кашлянув, застыл.
А оглушённый лось через поляну
Громадными скачками уходил...
Ну вот и всё. Смущённые немного,
Скрывая радость, мы брели назад.
Стелилась, уходила вдаль дорога.
Над ней спокойно догорал закат.

Косулю раненую нёс я,
И так она была легка!
А взгляд её, наполнен болью,
Был тяжелее кулака.

Страну продуло веяньями новыми,
Но на куски разламываю голову –
Неужто рухнет наша экономика,
Когда осушим вовсе алкоголиков?
Неужто мы пойдём по миру голыми,
Измученными, грязными, голодными,
Когда просохнут наши алкоголики,
Как никому не нужные болотины?

Море не обходится без риска.
Закрутило если, заштормило –
Значит, на охоту вышли рифы,
Значит, на охоту вышли мины.
Жизнь моя, богатая штормами,
Скрывшая вдали спокойный берег;
Ты прости, что другу верю, маме,
А тебе немножечко не верю.
Волн и ветра я немало видел,
Но, наверно, поздно или рано
Из меня поэт хороший выйдет,
Только вот не выйдет капитана.
И почти уверен – мина будет,
Иль на риф кораблик мой наткнётся.
Лишь бы только рядом были люди,
А уж круг спасательный найдётся.

Нынче мы с тобой, приятель, живы
Оттого, что люди рядом есть.
Оттого, что жизнь не режет жилы,
Но даёт почуять эту резь.
Оттого, что есть у нас работа
И зарплата (что кривить душой?)
Оттого, что в сорок первом кто-то
За меня с тобою в бой ушёл.
Оттого, что не сбесились с жиру
И не уповаем на права.
Нынче мы с тобой, приятель, живы
Оттого, что совесть в нас жива.

Мы победили в той войне,
Но это ведь совсем не значит,
Что мы с врагом сошлись в цене
В боях кровавых и горячих.
Но часто слышу – говорят,
Мол, дорогой ценой досталась.
У невернувшихся солдат
Спросить бы: как вам покупалось?
Такую злость я услышал
В словах контуженного деда:
- Победу я не покупал!
Я завоёвывал Победу!

Много лет на дне валялась
И взрываться не хотела,
Всё крепилась, всё старалась.
Достаралась – заржавела...

Санька вытащил гранату
О штаны потёр легонько:
Посмотрите-ка, ребята,
Настоящая лимонка!
Вмиг мы бросили рыбалку,
Восхищённые удачей.
И граната вперевалку
По рукам пошла ребячьим.
Как над Женькой хохотали! –
Удивлённо выгнув брови,
Он сказал: - Да в ней Хоттабыч!
Дайте я её открою.
Посмотреть-то – в самом деле
Ком бугристого металла,
Но теперь и мы имели,
Хоть и ржавую, но тайну.
И покуда наши деды
Раны старые латали,
Мы по очереди этой
Нашей тайной обладали.
И ножом её скоблили,
И соляжкой отмывали...
Глупыми, наверно, были,
Просто время убивали...

Где припиской, а где уговором
Отвертеться сумел от призыва,
И лихую военную пору
Просидел при жене и при сыне.
И стараясь быть реже в народе,
Грел бока у натопленной печки,
Да копался себе в огороде –
Помидорчики, там, огуречки...

Сделав вид, что внимателен к сводке,
Разговоры людские ловил он.
Рубанула война посередке –
Развалила на две половины.
Половиной одной он смеялся,
Не теряя присутствия духа,
А другой половиной боялся –
Пуще смерти – правдивого слуха.
Не по силам война замахнулась –
Не спалила его палисадник.
Ну а если бы вдруг затянулась –
Он бы точно ушёл в полицаи.
...О Победе гремел репродуктор!
О Победе горланили птицы!
И стоял, мирным ветром продутый,
Не запачканный кровью, убийца.
Пооглохли все черти и боги,
От победных гудков эшелонов!
...Где-то шли по военной дороге
Двадцать милых моих миллионов...

Как будто под десятком ног
Полы скрипели подо мною.
Я долго свет зажечь не мог,
А ты стояла за спиною.
Кляня в душе себя и тьму,
Я замер вдруг и удивился, -
Всё переделали в дому
(Где выключатель – не пойму),
А гвоздик чудом сохранился!
Он жил в бревенчатой стене,
Пронзая падавшую лунность...
И неожиданно во мне

Привычка старая проснулась.
 А ты отпрянула на шаг...
 Я понял всё. Застыли звуки.
 - Висел на гвоздике пиджак.
 Лишь дух волос твоих мешал
 Совсем увериться в разлуке.
 В ночи кричали поезда.
 Рука искала кнопку мести.
 ...Метнулась в щели темнота –
 То над тобой взошла звезда
 Свободы выбора созвездий.

ДВА НАБЛЮДЕНИЯ

1

Всех чертей и богов перебрав по порядку,
 Ты над речкою тихою ставил палатку.
 А потом опрокинул стаканчик перцовки
 И, разувшись, запрятал в палатку кроссовки.
 А под вечер решил костерок развести ты
 (Без него ни романтики, ни аппетита.)
 Но под боком ни леса, ни рощицы малой,
 Лишь ракета зелёные брови ломала.
 ...Ты уснул, как убитый, но всё-таки ожил,
 Когда шмель, бедолага, тебя потревожил.
 Люди скоры бывают порой на расправу –
 Шмель по речке поплыл голавлям на забаву.

2

Кто-то спорит, но женщина – чудо планеты!
 ...Ты, наверно, себя выдавал за поэта.
 Восхищаясь природой, печалась о детстве,
 Ты ракету жалел: - Ох, какое злодейство!
 Не мельчил ты и модных кроссовок не прятал.

Ты поспал бы, но всё же крепился упрямо.
 И над каждым жучком приседал на колени –
 На лице умиление – одно умиление!
 А потом ты светился едва не любовью,
 Когда сел, не заметив, в лепёшку коровью.

Напрягая ветвистые синие вены
 Отходила гроза. Грохотало вдали.
 Мужики возвращались домой после смены
 И в карманах усталые руки несли.
 Под бровями и кепками тени суровы.
 Спешен шаг. Огоньки папирос кое-где...
 Я люблю этот час – половину второго,
 Час ночной тишины и рабочих людей.
 На крикливых плакатах, газетных страницах –
 Работяги (один на другого похож):
 Неживые глаза, деревянные лица –
 Надоевшая всем трафаретная ложь.
 Я нарушить хочу вашу косность и дрёму,
 И хочу отойти ото лжи показной, -
 Я бы их, работяг, рисовал по-другому, -
 Как шагают они после смены домой.
 ...Затихали шаги во дворах бесфонарных.
 Слабы дух табака растворился в ночи...
 А на вздутом от влаги планшете фанерном
 Героический каменщик клал кирпичи.

ПОЗДНИЙ СНЕГ

Схолодало. Снег сыпал хлопьями,
 Скрадывая тропы и следы.
 Сёла по бокам дверьми захлопали,

Дымом подпоясали сады.
 Взвыли от натуги и отчаянья,
 Кораблями ставшие, ЗИЛы...
 Это взбунтовалась на прощание
 Гордость ущемлённая зимы.
 Сколько было вешнего обещано
 Восходящей, как заря, травой!
 ... Так уходят брошенные женщины,
 Оставляя бурю за собой.

Как там в галактических туманах?
 Надо бы заслать туда гостей!
 Вдруг и там в почёте горлопаны –
 Крикуны всех видов и мастей?
 Горлопан, увы, не окопался –
 На виду (сучком в трибуну врос).
 Это от него отпочковался
 Названный «Тайфуном» пылесос!
 Это он – родитель всех громадин
 (Житель, у тебя спокойный сон?)
 Где скрипят соседские кровати, -
 Не дай Бог сойдутся в унисон!
 Это по команде горлопана
 С песней: «ламца дрица гоп цаца»
 Мы, штурмуя, прём на стену плана, -
 Как на стены Зимнего дворца!
 ... У кого-то, поздно или рано,
 Наизнанку вывернется злость –
 Почему-де кроме горлопана
 Никого услышать не пришлось?
 Время жаль такому для ответа!
 Злость напрасна, как и сам вопрос.

Что сказать, коль виделась планета
 Из прищура в дыме папирос?
 Коль спалось почти демонстративно
 Под пустые выкрики трибун?
 Коли на собраниях партийных
 Тряпочка – привычный атрибут?
 Горлопанов сами производим –
 На кого, родимые, пенять?
 ...Мы пока будильники заводим,
 Не пришлось бы пушки заряжать!

Плутает дорожка по лесу, по долгому полю.
 Я слушаю ветер и мудрые шорохи трав.
 Читаю Россию – правдивую самую повесть
 Где так еще много никем не прочитанных глав.
 Я молод ещё, ни седин, ни болезней не нажил.
 И страшно порою за первую книгу свою.
 Но горд я, Россия, что в каждом твоём персонаже
 Встречаю друзей, и немного себя узнаю.
 Порой замечаю – чего-то забыл по оплошке.
 (Мое поколение слабеет на память, увы)
 Но словно закладки дороги лежат и дорожки,
 А, значит, не будет и нет позабытой главы.

В тот час, когда вся жизнь напряжена,
 Ещё чуть-чуть и вскинется заря,
 Тебе вернёт речная глубина
 Добычливые снасти – вентерю.
 Дымящаяся тёплая плотва
 Живым ручьём впитается в песок.
 Промчится елѐ слышная сова,

Туманы пронизав наискосок.
 Глаза опустишь – рыба на песке
 У ног лежит, едва-едва дыша.
 И босиком стоит невдалеке
 Твоя окоченевшая душа.
 Всё это видя, может, в сотый раз,
 И не поняв ещё – зачем живёшь.
 Не выставляя думы напоказ,
 Ты скоро обязательно поймёшь:
 В тот день не ветер ветви колыхнёт
 Без седины состарившихся ив,
 То над тобою Родина вздохнёт.
 По-матерински голову склонив.

Остров плыл по реке, как огромная рыба,
 Ощетинив колючий хребет сосняка.
 Там, где волны вгрызались в крутые обрывы,
 Старой медью звенели сазаньи бока.
 И шнырял ветерок, хитрый, щучий, зубастый,
 Ворошащий камыш от зимы до зимы.
 И, ощерив в ухмылке огромные пасти,
 По ночам выходили на отмель сомы.
 По утрам тишина – ни моторного треска,
 Ни людских голосов. Всюду грузный покой.
 Только взвизгнет порою, да выстрелит леска,
 Не иначе схлестнувшись с самим сатаной.
 Я хозяином острова пробыл недолго,
 Хоть и вольная птица – душа рыбака,
 Хоть и пахли туманы немножечко Волгой,
 Но меня обступала другая река.
 Если б жить я умел только духом единым!
 ...Я, быть может, вернусь ненадолго потом.
 И прости ты меня, одичалая псина,

Что жила и осталась на острове том.

НА ВЫСТАВКЕ

Который день на выставке негусто.
Как холоден почти безлюдный зал!
Да где же вы, ценители искусства?
Где ваши искушённые глаза?
Без вас пейзажи кажутся пустыми.
Без вас – как без лица – любой портрет.
Висят холсты – в подрамниках застыли
И никому как будто дела нет.
Вот натюрморт: он жив, он не придуман.
А для кого написан, для кого?
Лишь время, увеличив амплитуду,
Срисовывает медленно его.
Да хрупкая нескладная девчонка
(Не росчерк ли его карандаша?),
Прозрачную со лба сдувая чёлку,
Искусство постигает не спеша.
На каждый холст не может наглядеться –
Как над письмом, застынет и молчит.
А шаг её – как будто чьё-то сердце
С большими переboями стучит.

Вселенские ночные глухомани –
Нелётанные жуткие пути...
Летит звезда по млечному туману,
Собратьев оставляя позади.
А фонари, зависнув над проспектом,
Горят, инертной зависти полны.
Летит звезда, поигрывая спектром, -

То взгляды от неё отражены.
Да не нагнать ей ядерного страха
На милые родимые места!
Лети, звезда, космическая птаха –
Земная перелётная звезда!

ПРО ПСА

Пёс ушел из дома на рассвете,
Обошёл в деревне все дворы,
Воротился и овчарку встретил
У своей просторной конуры.
Хоть и был он меньше чуть не втрое,
Жизнь свою на драках закалив,
Он с победой выхромал из боя.
...Всюду одуванчики цвели.
Жёлтые. Они ещё хранили
Дух хозяйских стоптанных сапог.
Но уже проскальзывал над ними
Незнакомый прежде сквознячок.
Он витал назойливо над домом –
Пахнувший резиной «жигулей»,
Городским лекарством валидолом
И тугими пачками рублей.
(Теми, что накоплены на дачу)
Да, хозяин пса теперь с деньгой!
Пёс, он предлагал тебя в придачу,
Но ведь ты дворовый, ты простой.
Вся-то красота в лохмотьях рыжих,
Из которых еле виден нос...
Ненадолго ты овчарку выжил, -
У тебя не стало дома, пёс!
Ты уйдёшь, когда обмоют сделку,
За своим хозяином. А он –

Про тебя забывший, пьяный «в стельку»,
Сядет в переполненный вагон
И в вагоне том уедет в город
К сыну и невестке – навсегда...
Не поймут твоё собачье горе
Мчащиеся мимо поезда.
Вот такая жизнь твоя – собачья...
Но не надо – злобы не держи.
И живи не проданным в придачу.
Люди ж сами знают, как им жить.

За деревней моей так же кони пасутся,
Только меньше теперь стало этих коней.
Так же зори клубят, так же вёсны несутся,
Только меньше дымов над деревней моей.
И в проулках слабей запах свежего хлеба.
И всё реже встречаю знакомых ребят.
И пустеют дома. По оконному небу,
Остывая над лесом, закаты летят.
Но судьбу мою с детства ветрами продуло.
Но душа моя с детства ветрами жива!
Так и тянет её в луговые разгулы,
Где в ногах у коней дико хлещет трава.
Перепёлочный крик в небе утреннем тонет.
И на зорях жируют лещи в богачах.
И, на спинах неся по озябшей вороне,
По туманам задумчиво бродят стога.
Но пугаюсь порой, если чувствую жалость
К зарастающей тропке, и ветхой избе,
И залётному детству, что здесь задержалось,
Потому, как та жалость, похоже, к себе.

Неужели могут быть забыты
 В нынешней скандальности земной
 Те солдаты, кои не убиты
 И живут порою за стеной.
 Рядом с нами ходят. Неужели?
 Больно думать. Узнавать больней.
 Но ведь мы посмели... Мы посмели
 Разводить холёных кобелей,
 Покупать машины, деньги «делать»,
 Импортными шмотками тряся,
 Водку жрать, красивых щупать девок,
 Про которых вслух сказать нельзя.
 Но ведь мы не то еще посмели,
 Нам бы многим выдать по метле,
 А ведь мы сидим, обняв портфели,
 Занимаем место на земле,
 Сочиняем складные приписки,
 Позабыв про совесть, стыд и страх...
 А шабашник ставит обелиски
 В полуопустевших деревнях.

ПРЕДПОСЛЕДНИЙ

(рассказ в стихах)

Похоронная процессия ошеломила немногочисленным. Пять-шесть мужчин (все явно навеселе), да мальчуган, несущий подушечку с боевыми наградами покойного. Пройдя немного, мужчины поставили гроб в кузов грузовика, забрались следом, отдав мальчугану портфель, и укатили...

Мир не передёрнулся от горя,
 Ни единой веткой не поник.
 Человек для мира – капля в море,
 Даже если это фронтовик.

Человек для мира не потеря.
 ...Город жил. По улицам текло.
 Паренёк, под мышками потея,
 Вытирал витринное стекло.
 Пацанёнок с каплею под носом
 Позабыл про школьные дела.
 По ручью – линованная косо –
 Белая флотилия плыла.
 Детство... Я всё пристальней и чаще
 Вспоминаю, грусти не тая,
 Этот край безоблачного счастья,
 Лёгкого, как ветер, бытия.

Да, детство моё было лёгким и бесшабашным. Но был в нём человек с трудной судьбой.
 При встрече с похоронной процессией мне вспомнился этот человек. И таким гнусавым,
 надуманным показалось мне вдруг многое из написанного!... Я поехал к этому человеку.
 - «На обелисках можно заработать» - водитель, согласившийся подвезти меня, оказался
 очень словоохотливым. Это и пугало. Почему-то сегодня многие вещи, о которых лучше
 бы помолчать, выставляются напоказ...
 - «Э, не мелочись, парень! Забери свой трояк...»

И от ветра пригибаясь низко,
 Комкая невзятых три рубля,
 Я ушёл.
 - «Дойдешь до обелиска-а...» -
 Ветер слабый крик сносил в поля -
 - «Оцени работу-у-у...»
 ...Голос пьяный
 Плакал или пел во тьме густой.
 Разносилась музыка баяна,
 Полная тоски – собачей, злой.
 По деревне шастал ветер липкий,
 Шумные вздымая буруны,
 Лунные покачивая блики
 На омытых рёбрах старины.

И, хмельную песню подхвативши,
 Мчался дальше полою рекой.
 Становилась песня тише, тише...
 И утихла где-то далеко.

Дом этот схож с остальными домами – два окна спереди, два сбоку. Пристрой позади – чулан. Сени с повыпавшими от времени сучками. Помню,ходишь и видишь, как тянутся от стены до стены пыльные кручёные лучи. Брёвна старого строения стали бугристыми и рябыми. Смолистые прожилки выперли – жёлтые, как кости...

- Друг ты мой, о чём твоя кручина:

Кто обидел, позабыл ли кто?
 Помнишь, нашу лодочку крутило,
 И несло по стрежню далеко?
 Ты ещё не так сутулил плечи
 И больную спину реже грел...

- Помню, как же. Только, вишь, не вечен.

Постарел дружок твой, постарел.
 Вот он – всё настойчивей – осколок
 И нутро, и память бередит.
 Чую – скоро он, вражина, скоро
 Всё ж таки до сердца долетит!
 Да и совесть глубже всякой раны
 Засадила в душу острогу...

- Ты не говорил такого ране.

Что случилось? Может, помогу?
 Чай, не сквозняком меня продуло.
 Совесть, брат, не хворь – не излечить.
 На войне-то, помню, думал, думал
 По-людски, по-мирному пожить.
 А вернулся – ещё хлеще пекло!
 Сердце, веришь, кровью облилось.
 И решил – пускай рассыплюсь пеплом,
 Только б вольно Родине жилось!
 Чтобы всё, родимая, имела,

Чтобы ни гадюки сред нас...
 Эх, работал – всё в руках горело!
 Сам горел... Да не ко сроку сгас.
 Что теперь от прежнего осталось?
 Так себе – простая головня.
 Вся родня по свету растерялась.
 Даже сына нету у меня...
 (Вот ведь как... Но кто ж среди нас святые?
 Не было, наверно, их и нет!)
 - Подожди, ответь тогда – не ты ли
 Добрый на земле оставил след?
 Доброта твоя не знала края.
 Может, оттого всё меньше сил,
 Что всё жизнь в душе, не уставая,
 Ты её, огромную, носил?
 Да такую, что (поймёшь ли верно?)
 С детских лет всегда казалось мне –
 Ты бы даже Гитлеру, наверно,
 Уголок оставил на земле!
 ... Нам бы вместе радоваться встрече,
 А у нас – что слово – то слеза...
 А в углу – от дел людских далече –
 Лицами чернели образа
 Смутно, неразборчиво, в потёмках.
 И, лампадкой чуть освещены,
 Даже не увязаны тесёмкой –
 Письма, прилетевшие с войны... - Выйдем, что ли, воздухом подышим,
 Утро было хрусткое – с сырцой. И луна чуть рощицы повыше – Бледное кукушечье яйцо.
 Ветер, что всю ночь калиткой хлопал, выл в трубе и яблони крушил, Еле двигал низкой
 дымки хлопья, Нюхая сухие камыши. Солнце встало, а взлететь боялось. Вдруг – шальная,
 выси не боясь – Музыка далёкого баяна С песнею в обнимку вознеслась: - На побывку е-
 едет Молодой моряк. Грудь его в медалях, Ленты в якорях. Рань такая! И как будто чудо
 – Песней, эхом весь простор пронзён! И над всем простором: - Сгинь, паскуда! Покалечу,
 мать твою в закон! (Как удар в лицо) И всё сначала – Смолкнув было, ожил вновь баян. За
 спиной негромко прозвучало: - Командир мой – Коршунов Гурьян. По всему видать

опохмелился. Пьёт – не просыхает день и ночь. Слышал, ночью тоже веселился? Вот ему бы чем-нибудь помочь! - Чем поможешь? - А хоть добрым словом. У него судьба-то потрудней. Сам слыхал вон. Ух, зверюга словно! И ведь всё под носом у людей! Двое нас осталось на деревне: Командир да я. А год назад Знаешь сколько было? Отделение! И как сговорились – все подряд. Трое в зиму, а четвертый в мае, Аккурат в девятое число. При наградах... Вот ведь как бывает! – На дороге сердце подвело. Про Гурьяна вся округа знает, Да как будто вымер весь народ... Пьёт Гурьян, а годы улетают. Пьёт Гурьян... И правильно, что пьёт!

Что я мог сказать в мои-то двадцать С небольшим спокойных сытых лет? На какие кодексы сослаться, Если подходящих в мире нет? Может быть, в пример оставить деда? самого себя? Свои дела? Нет дороги для велосипеда Там, где битва танковая шла! Я молчал. А в небе птицы мчали, А в реке плясали сазаны. А вокруг ни капельки печали, Ни глухого отзвука войны... Кашель. Голос, сорванный когда-то: - Хорошо! Как, право, хорошо... - Голос предпоследнего солдата Вокруг планеты спутником пошёл. – - Всем жива родимая сторонка. Реченька... Деревня... Петухи... Эх, поют! Послушай ты – как звонко! Вот об этом быть должны стихи. Сочиняй хоть притчи, хоть баллады. Что ещё там можно сочинять? И не лезь-ка ты, куда не надо – Незачем болячки ковырять! (Как ошпарил этими словами! А, бывало, сам твердил не раз: - «Молодые, всё теперь за вами. Целый мир покоится на вас...») Что – стихи? Прислал бы мне открытку Или – ещё лучше – письмецо. Ни труда тебе, и ни убытку... Я вспылел, я выпалил навскидку В пасмурное старое лицо: - А надгробной надписи не надо?! – Тоже не убудет у меня. Неужели ты меня за гада Принимал до нынешнего дня? Думал – я забыл сюда дорогу? Да, видать, ты вправду постарел!.. Голос поднял на кого? На деда. Не обидеть я тебя хотел. Мой совет прими для пользы дела. Много погубили нынче дел. Посмотри-ка, вон стоит больница. С виду, вроде, даже хороша. А войдёшь – раздумаешь лечиться. И кому-то ведь спокойно спится, И не ноет чёрная душа! Доктора, больные, штукатуры – Сослепу не знаешь, кто есть кто. Тут же в коридоре ходят куры. Что творится! – Главный врач и то На кусок толстенной арматуры Лет уж пять, как вешает пальто! А зато в газетах прописали – Три деревни чуть не заплясали! Чуда ждали!.. Вот оно стоит. А народ в автобусах часами В город едет, если что болит. Налицо загубленное дело. А, к примеру, книжки о войне? Я читал одну – душа болела – Сколь неправды выискалось в ней! И писатель, видно, был учёный. И ведь знал, не мог о том не знать – Книгу не обложкой золочёной, Книгу правдой надо показать! А теперь пошли-ка по деревне...

Кое-где стучали топоры. Куры забирались на деревья От уже нахлынувшей жары. Дух навоза, пыльного овса. Вслед – подслеповатые – смотрели Низких окон тёмные глаза.

Тополями скрытая больница. Церковь словно древний богатырь. (На карнизах мятлик колосится) – Галочий, вороний монастырь. У оврага, рухнуть угрожая, Магазин – по крышу в конопле... Всё-таки страна у нас большая, Коль ещё не знают горожане Про такое место на земле – Дачный рай! (Его ещё откроют – Мы теперь не в бедности живём. Как без дач!..) Старик, нахмутив брови, Быстро, аж рубаха пузырём – Через всю деревню вёл куда-то, Встречным лишь кивая головой. ...Мраморно, сутуло, угловато Обелиск возник передо мной. Над куском как бы застывшей лавы Два клинка сомкнулись под углом. На одном – рельефный орден Славы, Имена погибших на другом. Тяжело взлетающее что-то Было в нём. Старик спросил «Хорош?» - Да-а...Скажу – прекрасная работа. Не во всяком городе найдёшь. («Оцени работу-у...» - гулким эхом Крик вчерашний в памяти возник.) - Вот и я о том. Для глаз – утеха. – Еле слышно выдохнул старик. – Чуешь ты, какая в этом сила! – Небо выгибается над ней. Честь творившим! От души спасибо! Золотые руки у парней. Это память. Долг сыновний павшим. Долг святой. И я хочу сказать – Жить ему не только в душах наших, Но и в мёртвом камне оживать! Вроде не забыто, не впустую. Но смотри – ни тропочки кругом! И, сдаётся мне, красу такую Для бумаги, посланной в райком, Возвели! ...Полынь – полна потёмок. Воробьи. А рядышком в пыли Копошился грязный поросёнок... - Слышишь, - для отписки возвели! ...Громкие, раскатистые фразы, Где ни слова, сказанного зря. Он и говорил, и мыслил сразу – Напрямую, просто, не мудря. Бил словами. Бил в упор и точно – Сгорбленный, сухой, как пулемёт. Страшно стало – вдруг меня на клочья Разрывное слово разнесёт! - Тут раз в год бывают пионеры. Ну и мы с Гурьяном иногда... Лучше б склотили из фанеры! Сколько зря ухлопано труда...

По-мужски недолго мы прощались: - Будешь здесь? - Не знаю... - Заходи... ..Медленно с планетою вращаясь, Дом его остался позади.

Не себя ли в мыслях утешая, Уходил я: - Как же тут не жить! Вот она – красою всей – большая Предо мною Родина лежит! И опять – ни в чем не запоздала – Занялась туманистая рожь... Как не жить, когда ста жизней мало, Если всё на Родине живёшь! Если столько всюду непосильной Красоты – на тыщу лет вперёд! ...Но и в самой маленькой росине Доброты людской недостаёт.

*** Пусть он тяжек – доброго удел, Как об этом сказано в народе, Доброта – обязанность людей, Воинской обязанности вроде.

*** Я прихожу под вербы вешние В те дни, когда они цветут. И дорог будет мне по-прежнему Их незатейливый уют. Ещё деревьям будет холодно, Колючий ветер будет зол,

А вербы вывяжут за городом Пуховый мартовский узор. Наверно, снова опоздаю я, Но сердцу будет хорошо, Как будто снова на свидание С любимой женщиной пришёл. И, уезжая в город затемно В подарок той, кого люблю, Одну из веток обязательно С весенней вербы отломлю.

*** Вечера, они до скупости черны Оттого, что нынче много в них огней, Оттого, что нынче мало в них луны В непроглядной и тяжёлой тишине! Вечера, что беспокойней, чем они, - Если толпами машины до утра, Если гулко от трамвайной стукотни?.. Городские, городские вечера...

*** Дочитал. И затихло дыхание, Словно листья опали в груди. И такое повисло молчание, Что забыл ты со сцены уйти. А моливший вчера: «Не пиши меня!» Стих твой, сын твой, поднялся к отцу. Подошёл. Постоял нерешительно, И...Ударил при всех по лицу!

ВЫПЬ

Как камышинка вытянулась враз И даже глаз прищурила немного. Но всё равно я видел этот глаз И тросточки коричневые – ноги, И тонкий клюв, похожий на стрелу... Стояла птица, дрогнуть не решилась. А я, боясь притронуться к веслу, Стоял, едва дыша за камышами. Отвёл глаза и...нету, не видать. Да где ж она? Куда она пропала? Всё было так же – даль воды и гладь, Но в камышах живого не хватало. Я знал, что птица рядом, здесь она. Едва привстал, и вдруг от взмаха крыльев На части раскололась тишина, И небо, принимая их, раскрылось. «Не улетай!» - хотел я крикнуть вслед. – «Я не хочу тебе плохого, слышишь!» Но долго над водой летело: «Не-е-ет! Вы не такие!» - Тише, тише, тише...

*** Вишня ледяная и когтистая Зимний сад рисует на окне. Выйду в поле. Пляшет вьюга мглистая, Затоптала месяц в вышине. Воеет вьюга. Я пред ней ничтожество. Снег в лицо железной пылью бьёт. Что стихи? – ненужные художества, Если теплоты недостаёт. ...Собачонки тьяканье поспешное, Спит село. Без окон ночь пуста. Лишь в одной избе старуха грешная Лёгкой смерти просит у Христа. Эти окна – словно взоры прошлого. Время тут меняет лошадей. Край родной, всего тебе хорошего За нетронутость судьбы твоей! Я хочу устать от гама стадности, Как уже устал от женских рук, И уйти, как в память, от усталости В этот край иных ночей и вьюг. Пусть не будет в ночи ни проталинки, А на чёрном небе – ни луча. Впору мне придутся чьи-то валенки, Чья-то

печка будет горяча. Будет мне – заезжому – постелено Рядом с нею – прямо на полу. Будут тикать ходики настенные – Словно кони мчатся по селу.

*** Говорят, изведено. Говорят, изучено. Говорят, написано...Что там говорить? – В огороде чучело остаётся чучелом, Потому что чучело некем заменить. Времена меняются. Рощи покорчёваны. И галдят на вырубках тыщи мудрецов. Но летят грачи в Россию облаками чёрными, Чтоб в холёных сквериках вывести птенцов. Мнимыми проблемами головы загружены. Век под окончание – сплошь эксперимент. Суета...Перестановки...А рабочий-труженик На своем рабочем месте словно монумент. На дела никчёмные разум свой направили, Вот и стала роскошью даже тишина. Заступом и атомом Землю издырявили, А бежать-то некуда – круглая она.

*** Нельзя мне уйти в былое. А ныне светло вокруг Где дыбилось поле боя, Гуляет волнами луг. Шатается лес, как пьяный, И птицы ласкают слух. Один мухомор румяный Воюет с полками мух. Давно уж за ветром вольным Последний разрыв затих... А мы изучаем войны Затем, что не знаем их.

ЖУРАВЛИ

Их, как фронтовиков, осталось мало. Неужто нам мишеней не хватало? Так редко вижу я озимый клин, Как будто он на всей земле один! Но как же быть нам с песней про солдат, Что журавлями по небу летят, За нас не пожалевших жизнь отдать? И сколько ж раз их можно убивать?

*** В мире нежном и жестоком Далеко ль конец пути? Где-нибудь в лесу далёком Я хочу его найти. Чтоб родные не узнали, Как пойду я на покой. Чтобы филины плясали Над моею головой. Чтобы лес моим останкам Из полыни саван плёл. Чтобы вечно на полянке Колокольчик синий цвёл.

*** И на грани срыва рокового, Когда все пытаются жалеть, Одного лишь маминого слова - Строгого, сердитого, крутого – Мне хватает, чтобы уцелеть.

*** Гляди – не стало неба над землёй. Сплошная серость. Только сад зелён. Всё кажется: вот хлынет вниз вода, И мир не повторится никогда. Открой окно, и вдаль глаза прищурь. Тебе к лицу блистанье дальних бурь. Ударил гром. Пошла планетой зыбь. Как велика ты в зареве грозы! Открой окно! А лучше выйди в сад. Послушаем, как яблоки стучат.

Послушаем. И вспомним о былом. Пойдём с тобой по ливню напролом! Туда, где трава свежа, стыдлива дрожь... А ты меня опять к себе зовёшь.

*** Сундук сожгли. Иконы растащили. Покрасили по-новому полы. Оставили бы хоть щепотку пыли, Да горсточку прабабкиной золы! Им не хотелось ветхого жилища. – Да ладно, мол, покойница простит! Но почему сквозняк по дому рыщет, И старая скворешня голосит? Признала что ли (видно, не простила), В отчаянье связалась с колдовством, И с той поры во власть нечистой силы Ночами отдаётся этот дом?.. Да бред же, бред!...Могилка без ограды. На ней прабабка деревцем возшла. К ней прихожу. – Ветвящаяся, рада Вся до прожилки юного ствола. А с ней – трава (достала до коленок), И молодой взлетающий побег, И белый гриб – как новый пятистенок – Сосновый, крепкий, срубленный навек...

*** Деревенский воздух загустел от зноя, Аж дымят на поле спелые хлеба! Горячо так пахнет липой и сосною Солнечного цвета новая изба. Плотники уселись отдохнуть к забору И о чём-то спорят (только шум стоит). Кажется, чуть жарче разгореться спору – Полыхнёт деревня и дотла сгорит. В пыльных окнах дали еле-еле брезжат. Не поёт над садом – выдохся – скворец. Тут сегодня нужен человек заезжий Иль хотя бы дождик на худой конец... Но наступит вечер, духоту заглушит. Воротится стадо, тяжело дыша. В сумерках прохладных встанет мат пастуший – Выше всей деревни на два этажа. Озарится небо ясною луною. Музыка баяна прянет в даль полей. И сазан ответит пляскою шальной, И ответит песней дальний соловей.

*** Голое поле – пожжённые травы. Женщина в поле – опавшая грудь... Вот и осталось последнее право Плакать над теми, кого не вернуть. Эхо войны вдалеке умирало, Весь его путь – до ближайшей грозы. В майскую талую землю упало Тёплое зёрнышко женской слезы. Ёкнул взрыватель напуганной мины, В нору залез пулёмётный патрон... Зёрнышко скрылось за памятью глины. Долго лежало в ладони у сына, Перекатилось на мужний погон. Глубже спустилось – к убитому брату. Нежно коснулось отцовских морщин... Так и пошло от солдата к солдату, Неимоверных достигнув глубин. Глубже и глубже... (Никто не помянет) Сгинуло...Вечная темень внизу.

Нет и не будет того, кто достанет Окаменевшую вдовью слезу. *** На подоконнике вода, Сырая рама. Проходят, как дожди, года. Стареет мама. Была бы молодость длинней! Была б вторая!.. Я возраст матери моей Забыть стараюсь. Веками вороны живут

Веками – щуки... Зачем нужны, учёный люд, Твои науки? Ещё чуть-чуть и двинешь ты Дорогой млечной! А мне от этой высоты, Увы, не легче. Какая, к чёрту, высота! – Уж лучше яма... На подоконнике вода, Сырая рама.

*** Полночный сыч готовится к охоте, Когтистый свой оттачивая взгляд. А над землёю медленно проходит Тяжёлого заката листопад. Какие он оканчивает судьбы? За бликом блик на воду. Тишина. Черна вода. Накатит – утонуть бы. Неясных дум полагая волна. Стихает на дороге эхо дня. Негусто в небе золота намыто. Что изменилось? Много забыто. И милая не плачет про меня. Как пёс, костер вздыхает горячо. Ледок росы на сонных травах луга. Легла рука вернувшегося друга Бугристым самородком на плечо. И так легко становится плечу! Прошла любовь. К чему теперь поминки? Горит костёр. Позвякивают льдинки. Мне хорошо. Я долго жить хочу.

ОБРЕЧЁННЫЙ

Темно вокруг запавших глаз. В них человек. Всё остальное – Хромое, хилое, больное, Почти ушедшее от нас. Глаза прикроет, переждёт, Воспоминаний взрыв внезапный. Ни одного из них назавтра – Всё до осколка соберёт. О том, что было так давно, Глаза ведут рассказ неслышный. А мир застыл. Он еле дышит. На запотевшее окно. ...Меж нами – тоненькая нить. Чуть шевельнись – и оборвётся. Клубочком где-нибудь свернётся, Чтобы легче было позабыть. Как молчалива эта связь! Я был за эту связь в ответе... Бегу, напуганный до смерти, Волчонком в темень хоронясь.

*** Представилось – я пережил родню. Всех радостей – обнять свои колени И так сидеть, придвинувшись к огню, В расплывчатые всматриваясь тени. Вот тень отца, упавшая во мхи, Лежит в корнях бушующего леса. Не дал отцу читать свои стихи Собачий вой горячего железа. По сменам жил. Иначе не умел. Таким, как он, чинов не предлагали. Он ни одной медали не имел, Он для других вытачивал медали. Не залетал, мечтая, в облака. Жил на земле в дымах и матерщине. А на него смотрели свысока

С тех кресел, что как горные вершины.

И пусть для многих был он без лица –

Обычный, незаметный, нехвалимый,

И всё-таки достоинство отца –

Его не окружали подхалимы.

Меня в порыве нежности обнять

Отец меня ни разу не позволил.
И можно было марку стали дать
Царапающимся его мозолям.

О НЕЙ

Волосы помню –
Как волчья – в закате – метель,
Как золотой
Полумёртвых пустынь суховей.
Знать бы куда,
Улетел бы за ней, улетел.
Помнить бы имя...
А так – лишь легенда о ней.
Вижу глаза
И моё отражение в них.
Чёрные-чёрные,
Омута нету черней.
Вновь бы увидеть –
Я их бы любил за троих!
Честное слово!
А так – лишь легенда о ней.
Тот поцелуй...
Почему не сошел я с ума?
После такого
Смешон арсенал палачей.
...Кто-то о ней, может быть, сочиняет тома.
Мне же осталось придумать
Легенду о ней.

ТРИ ТОВАРИЩА

Камнями под гору катились.
И вдруг за голову схватились
И ужаснулись не втайне.
Один ударил в наковальню.
Другой подумал – Эка важность!
А третий...- Сгинул на войне.
Над первым – внуки: старый, хворый...
Другой трясётся: вдруг да воры!
И потому не пьёт, не ест.
А третий – самый обделённый:
Письмо, да номер батальонный,
Да в поле безымянный крест.
Один тихонечко сгорает.
Второй – помладше – умирает.
А третий – старшим не чета –
Спит, молодой, в безбрежной ниве.
А в голове о встрече с ними
Неприподъёмная мечта.

Посидела немного. Ушла.
Не прибавилось в окнах светила,
Не прибавилось в доме тепла,
Хоть и женщина дом посетила.
Всё так просто теперь без неё –
Ни смущенья тебе, ни искуса.
Мы вдвоём – я и чувство моё,
Обращённое в жалкого труса.

Утро. Дальняя свежесть,
 Как мокрая сеть рыбака.
 И пологие волны
 Слежались, как волосы за ночь.
 У «спасалки» валяется «кошка»,
 Как дохлая кошка, -
 На торчащем ребре
 Синеватая чайка дрожит.
 Этой штукой вчера
 Из воды доставали ребёнка.
 А теперь снова утро,
 И чайка на ржавом ребре.
 Дым вчерашних костров.
 На обрыве – палатки-заплаты.
 Ранний парус вдали –
 Полотняная грудь колесом.

ПЕРЕСТРОЙКА

«Большое видится на расстоянии...»

Сергей Есенин

1.
 Неторопливо тѣк рабочий день.
 Спал плановик с открытыми глазами.
 За стенкой переругивалась лень
 Осипшими спросонья голосами.
 В углу паук, сердитый, как завхоз,
 уставился в пустую паутину.
 По коридору дым пластами полз,
 Похожий на болотную трясиину.
 Там у окна какой-то важный чин

Очередной придумывал почин.
 Носился мастер, словно вертолёт, -
 Работы у него невпроворот.
 У подчинённых тоже полон рот...
 (Политики – на тыщу лет вперёд.)
 Спала труба. Валялась рядом тень.
 Неторопливо тёк рабочий день.

2.

Зам Замыч – рядовой советский зам.
 Сама невинность, судя по глазам.
 Его девиз – просиживать штаны,
 Покуда нету атомной войны.
 Всю жизнь он был начальству спинкой стула...
 И вот (да в кои веки?) вдруг подуло.
 Что?! Где?!..Бог бережёных бережёт.
 Закрыл окно. Поёжился. Свежо.
 Прислушался: «Постой-ка, брат, постой-ка...»
 Неслось из ветра слово: пе-ре-строй-ка!

3.

Проснулся, покумекал плановик.
 Собрал бумаги – стопочку воздвиг.
 Смёл пайка... Меняется картина –
 В другом углу повисла паутина.
 Но видимость начала создана.
 В болоте дымном вскинулась волна.
 «Чем кончится», - подумал важный чин, -
 «Сей общегосударственный почин?»
 Сходил за новой пачкой папирос.
 И принялся обдумывать вопрос.
 А мастер бензобак опустошил
 И, наконец, посадку совершил.
 Всё понял, чуть заслышав голоса,
 Махнул рукой: «Немного успокоюсь.

До пересменки целых полчаса.
За полчаса три раза перестроюсь». ...А работягам всё «до фонаря» -
Застыли, в рот начальников смотря.

Они говорили. Они призывали.
Умело скрывали – во имя чего.
Давали по шеям. Давали медали,
На вечность вперёд напридумав чинов.
Пред ними законы и верные люди
Стояли не хуже китайской стены.
(И не было нам стенобитных орудий,
Как не было права гражданской войны)
Они, как огромные слитки металла,
(А Родине вечно его не хватало),
Ломали хребты и ломали дрова...
Пораньше бы правду! (Опять запоздала)
А поздняя правда – пустые слова...

Что ни день, то во мне
Просыпается больше предчувствий
И какого-то страха
За каждый из прожитых дней.
Дорогая моя,
Я во сне не кричу, не мечусь ли?
Не зову ли помочь
Улетевших, как листья друзей?
Помрачнела душа.
Мало звёзд на её небосводе.
И за ней ничего,

Дорогая моя, ни гроша...
 Я продрог до костей,
 Пробираясь в сплошной непогоде,
 Но живу потому,
 Что во мне существует душа.

На пожарище, как в бредовом сне,
 Золы белые, что зима.
 Неспроста же вдруг показалось мне –
 Не с тропы сошёл, а с ума.
 Где вы, певчие? Только тени вам.
 Отшатнётся зверь на бегу...
 Я бы сам тут встал новым деревом,
 Да корней пустить не могу.
 Тишина – как вой. Ни бинта, ни шва...
 (Мы приходим в мир за виной)
 Не одна беда по земле прошла. –
 А не много ли для одной?
 Если совестью всё вокруг покрыть
 Не схоронишься от огня.
 Во второй бы раз на земле пожить,
 Там, где сам лежишь и родня.

РЫБАК

Желваками пасмурно играл он, -
 Весь – пучина, весь – девятый вал.
 А в ночи прозревшим эмигрантом
 Ветер по Отчизне тосковал.
 Чешуёй заляпанная роба
 Вобрала, казалось, полреки.

«Первым – в лоб, вторым – по крышке гроба!» -
 Хрустнули в карманах кулаки.
 Над столом навис тяжёлой глыбой.
 Сел на лавку – хрястнула доска.
 Пахло потом, моросью и рыбой
 Об большого тела рыбака.
 Он забылся. Где уж тут раздеться!
 Всех-то сил – добраться до стола.
 По щетине, как из уст младенца,
 Медленная капелька текла.

В. Высоцкому

Лист пролетел. Одно воспоминанье.
 На дереве он лучше был замечен.
 Бросаемся при жизни ИМЕНАМИ,
 От зависти себя спасая этим.

Однажды возвращался я домой.
 Дымил закат, кострами остывая.
 И полосой обуглившись за мной.
 Полынь стояла - в росах – голубая.
 Вокруг шумело море тишины.
 Вселенную собой переполняя...
 Я был ещё свободен от вины
 И от тебя свободен был, родная.
 Неясный свет ложился на траву,
 Всё лишнее оставив незаметным.
 А так ли я непрошено живу?
 А так ли я взрослою незапретно?
 И дума вдруг: едва себя начав

Уж потихоньку жизнь моя кончалась...

У ног моих, росинки растеряв,
 Метёлки полынные качались.
 За рукава, как дети, теребя,
 Они меня просили жить на свете
 Ответственным хотя бы за себя,
 Хотя бы за следы свои в ответе.

Ни луча на сером небосклоне.
 Ни костра, ни дыма над рекою.
 Затяжное выдалось бесклёвье.
 Словно ветка – лодки на приколе.
 Ёжится ивляник безголосый,
 Сдуло птиц во тьму его сырую.
 Мокрые тяну я папиросы
 И не верю в рыбку золотую.
 Борт о борт постукивают лодки.
 Шарит ветер в камышовой роще.
 Не нужны мне рыбы-самородки,
 Мне сойдёт чего-нибудь попроще.
 Тёплой мечтой согреваюсь:
 Вон она плывёт из-под обрыва,
 На мою насадку соблазняясь,
 Чуткая невидимая рыба!
 Леска по воде пойдёт кругами,
 Свистом непогоду оглашая.
 И заплещет рыба на кукане,
 Злая, непокорная, большая.
 Пронесу по улице под вечер
 В небеса от счастья залетая,
 Лишь потом с грустинкою замечу –
 Золотая... Вправду золотая!
 Это всё рассказом обернётся.

Было ли нет – и сам забуду.
Выслушает друг и улыбнётся.
И поверит прожитому чуду.

Деду

Ты назавтра умрёшь, быть может,
На прощанье не давит грудь?
Жизнь и смерть не одно и то же,
Но и разницы в них чуть-чуть.
Смерть трудна, как большое дело.
Как ни думай, а смерть нужна.
Умирают душа и тело,
Чтобы память была слышна.
Ты не станешь потом крылатым,
Как пророчат в церковной мгле.
Заколотят тебя горбатым
Исправляться в родной земле.
Ни креста, ни звезды не надо,
Хватит дерева тут вполне.
Пусть могила, как голая правда,
О твоей говорит стране.
На зловещем своём примере
У развилки больших дорог
Пусть она говорит о вере –
Той, которой найти не смог.

Луна почти стекла со стёкол.
Кричал петух: «Да ну и пусть!»
Состав на станции затокал,
Как учащающийся пульс.

И отдаляясь постепенно,
 Умчался – путь ему далёк.
 Отец пришёл домой со смены
 И спать, не раздеваясь, лёг.
 Сады, где в каждой почке завязь,
 Белы от свежего белья –
 Во сто улыбок улыбаясь,
 Проснулась Родина моя!
 Еще одна картина детства...
 Но столько силы (Жить да жить!),
 Что никогда не наглядеться,
 И до конца не полюбить.

Грустная песенка твари.
 Тихая поступь ракет.
 В омуте словно в пожаре
 Лодка рыбачья горит.
 Роща, как низкая туча,
 Листья холодные льёт.
 Звезды. Мыши летучей
 В звёздах неровный полёт.

ГОСТЬЯ

баллада

Либо двинут в обратную реки,
 Либо снег среди лета повалит, -
 Дочь приехала! (В кои-то веки...)
 Говорили – чудес не бывает!
 С новым мужем. На новой машине.
 Ну не дочь, а картинка в журнале!
 Тяжела, тяжела на помине –

Тыщу раз про неё вспоминали.
Муж – серьёзной судебной повестки.
Дом затих, как прибежище вора,
И моргая бельём занавески,
Ожидал своего приговора.
Дочь капризно откинула чёлку,
Вдоль по улице глянула смело.
Не узнали былую девчонку,
Что парней завлекать не умела?
Мать поплакала, как полагалось.
То ль на радостях, то ли от горя.
Тараторила дочь и смеялась,
Говорила о том, как скучалось,
Как жилось ей у Чёрного моря.
Бликовала мечта пешехода
И моделью, и номером с юга.
Обсуждая событие года,
Ожила, зашепталась округа.
А уж эти болтуньи-старухи
Повставали с кровати насилу
И готовые загодя слухи
От порога к порогу носили.
Бередили болезни, кряхтели...
Зря мозги забивали народу! –
Отдышаться ещё не успели,
А уж дочь собиралась в дорогу.
Адресок позабыла оставить.
Перстенёк положила в солонку.
Вот и всё... От молвы не избавить.
Только облачко пыли на память,
Только хай кобелиный вдогонку...

Боже мой, какая пустота!

Это одиночество, наверно.
На душе так пасмурно, так скверно.
И роса уныло непомерно
Капает и капает с куста...
Повзрослели все мои друзья,
Поумнели все, отяжелели.
А меня опять несёт без цели
Пыльного просёлка колея.
Разбежались все мои враги.
Где-то их теперь по свету носит.
Может быть и не было их вовсе?
Я хочу услышать их шаги.
И опять я еду сам не свой,
Научившись тосковать у вьюги.
Милые состарились подруги.
Я уж им не нужен, молодой.
Даты, лица, ветры и дожди –
Не оставишь их за поворотом.
Хорошо живётся идиотам,
Ничего не помня позади.
Почему ж я этот мир люблю
В жалости о многом и немногом?
И готов скитаться по дорогам
Прикипая намертво к рулю,
И готов отдать себя до дня
Всем, кого нечаянно забыли,
Всем, кого спокойно разлюбили,
Лишь бы только помнили меня.

Деду

Вот уж чую – жизни мало.
Мало жизни – волком чую.

Остаётся крикнуть: «Мама,
 Мама, в поле заночую...»
 Было время, было, было!
 (Как оно былём-то быстро...)
 Нету сена. Есть кобыла,
 Да бензинная канистра.
 Не доехать. Что осталось?
 Ветер с голосом разлуки,
 Сигареты, солнца малость,
 Да подков четыре штуки.
 Счастье было. Счастья нету, -
 Как-то верхом пролетело.
 Может, всё летит по свету,
 Может, рядышком присело?
 Может, нынче на прощанье
 Сном хорошим обогреет,
 Может, как воспоминанье
 В сердце добром уцелеет?

Ну вот и всё. Одни и те же лица.
 Одни и те же деньги на слуху.
 Одна и та же стереопевица
 Одну и ту же мелет чепуху.
 Ах, Бог ты мой, кругом одно и то же.
 Попробуй распознай-ка: враг иль друг?
 Я с радостью сменю хотя бы кожу,
 Хотя бы рожу. Жаль, что не хирург.

Медлителен тревожный час предгрозя.
 Стоят, повесив головы, колосья.

Молчание. Недвижимы кусты –
 Тяжёлые на веточках листы.
 Цепной журавлик тянется в зенит
 И ржавой цепью тоненько звенит.
 Нависла туча мрачной долгой думой.
 Вся, до прожилочек, напряжена.
 Природа ждёт... Холодный ветер дунул
 И побежала по небу сосна.
 Когтистых молний лапы огневые.
 Торчит в земле почти железный дождь
 А мы с тобой живые молодые.
 Во мне мечты, как небо, голубые, -
 Я знаю, ты меня переживёшь.

ОТЕЦ

А.Р.

Лежит слоями тяжкий дым.
 Румянец капает с лица...
 Уже не вспомнить молодым
 Такого старого отца!
 Казалось, годы не берут.
 И всё же – как недолог век!
 ...Мертвец. Одни глаза живут
 На облетевшей голове.
 Убито столько тишины!
 (На что растрачиваем дни?)
 ...Лишь вздохи слабые слышны
 Среди трамвайной стукотни.
 Мечты, да сколько ж было вас?
 Сбылись бы все – и смерть ясней!
 Но лишь одна мечта сбылась –

Не пережить своих детей.

Ещё высок от солнца день.
Какой назавтра ждать погоды?
...Дымят по городу заводы,
И пахнет прахом деревень.
От надоевшей борозды
Идут крестьянские варяги,
А следом тянутся овраги
Через поля, через сады...
Проблему эту, не боясь,
Я ставлю в ряд среди глобальных.
...Такая тишь в деревне дальней!
А раньше слышался баян.
Деревня тает понемногу.
В печах густых собачий вой.
Ругаем власть, ругаем Бога,
Вины не чуя за собой.

ПЕСНЯ

Под сосной глухарь токует.
Руки в боки – два крыла.
Я искал себе такую,
Чтоб женою мне была.
Осень травы покосила.
Все дубравы нагишом.
Молодую и красивую
Я жену себе нашёл.
Походили мы в обнимку,
Чуть не нажили беды.

Разбежались по предзимку
Наши лёгкие следы.
Под туманистою вербой
Солнца полая река.
Некрасивую, но верную
Привёз издалека.
Но уж слишком верность бабья
Надоедливой была!
Всю любовь река рябая
По слезинке унесла.
Сколько я искал – не помню
Всё боялся – проглядел.
Вьюга шастала по полю.
Тополиный пух летел.
Я ходил, ходил по свету
И на самом на краю
(Кто сказал, что счастья нету?)
Встретил милую мою.

Привет, родимая лачуга!
Стоишь, мечтая чердаком.
Поёшь тихонько сквозняком
И всё надеешься на чудо.
Теперь иначе, да, иначе.
Промёрзла вся. Труха в боку.
Сад захламлён. И двор в снегу.
И на крыльце следы кошачьи.
Прощая, всё тебе прощая,
Себе прощенья не прошу.
Нарву охапку иван-чая,
На подоконник положу.
К холодной печке прислонюсь.
Мила унылая картина.

Когда не пыль, не паутину,
Слезу и то смахнуть боюсь.

В памяти то ветер, то гроза.
Редко ты мне видишься в дороге.
Помню, что божественные ноги,
Помню, что красивые глаза.
Помню – в твою комнату ворвусь
Кораблём под всеми парусами,
Надышусь твоими волосами,
Словно океаном надышусь!
Милая, забыть меня пора.
Память только отсвет дорогого.
Я устал желать тебе добра,
Поскорей найди себе другого.
Хочется оставить вас одних.
Не могу смотреть, как в непогоде
Облик твой скрывается, уходит,
Ни одной слезы не уронив.

Над лесом туча медленно снижалась.
Мы говорили, сидя у окна,
О том, что непогода задержалась,
Что в магазине «тулка» залежалась,
С которой он ходил на кабана,
Что в три червонца «тулку» оценили
(Могли бы, мол, накинуть пятерик!..)
А на болоте дальнем уток били,
До темноты палили и палили.
А мир молчал, спокоен и велик.
Он вроде усмехался – мимо, мимо...

Затикало под вечер со стены –
Там ходики на маятнике мирно
Качали отражение луны.
А мы ещё до полночи сидели,
Запутались в политике сто раз.
Он всё просил помочь в каком-то деле,
Я обещал ему на той неделе...
А мир стоял, разглядывая нас.

Над рекой летают буруны.
Паруса полны весёлой злобы.
Ветрены, упруги, толстолобы,
Далеко от берега видны.
Ветер в драку – всё ему не так! -
Рвётся, будто пьяница, рыбак.
Всё перевилось, перемешалось:
Табунами топчутся деревья,
Вороньё теряет оперенье
Никому покоя не осталось...
Хорошо! И хочется дышать
Этим непокоем, этой влагой,
И босым мечтательным салагой
Сейнерок рыбачий провожать.

Конфеты для сына – коробку огромную,
К цыганке поехав, куплю с переплатою.
Ему рановато игру электронную,
А этим подарком, конечно, обрадую.
А город, мерцая оконными пятнами,

Туманом глухим с головою накроется,
 Как будто ребёнок под снами приятными.
 Огромное тело его успокоится.
 А лето уже всю листву разбазарило,
 А осень уже заискрилась в полынные.
 И зябко смотреть на холодное зарево
 Рябины в саду городской поликлиники.
 Там жёлтый фонарь притулился повешенно.
 (Что лучше его воплощает бездушные?)
 Ему наплевать на моё наболевшее
 И свет его холодно льётся в минувшее.
 Притащится пьяной походкой нетвёрдою,
 Фонарь, как забытого друга, грабастая...
 И как пистолетом, ворочая мордою,
 Всю ночь над уснувшим овчарка мосластая.
 Достаньте этюдники, спящие гении!
 Фонарь и собака (ходячее золото)...
 Прости меня, сын – я сорвал день рождения.
 Да будет добро! Да не сдохнет от голода!

ОТПОВЕДЬ

Запутываясь в истинах простых,
 Считаю, будто спас меня от дури,
 Ты в окруженье замыслов пустых
 О бизнесе и о литературе.
 Я каждодневно ждал тебя на чай.
 Ты приходил и громко хлопал дверью.
 Простой на вид. И всё же невзначай
 Ты обнажал свое высокомерье.
 Читая мне свой труд очередной,
 Уверен был в себе на сто процентов.
 И доносилось: Я один такой!

(Ни оправданий и ни аргументов)
Я помню два рассказа о войне
И зримо представляю их героев.
Не нравились рассказы эти мне,
Не нравилось, что ты за них горою.
Энергия в тебе кипит, клубя.
И ты пробьёшься. Ты возьмёшь напором!
Но знай, что книга станет для тебя
Пожизненным суровым приговором.
Поймёшь ли ты, достигнув жизни дна:
В литературе – девственность природы.
Не терпит чужеродности она.
А ты свои раскинул огороды!
Не лучше ль будет бросить эту блажь, -
Познать науку столяра, к примеру,
И заложив за ухо карандаш,
Талантливые делать шифоньеры?
Я первый тебе в ноги поклонюсь,
В руках твоих увидев дел горенье.
Надолго в дым табачный окунусь
И посвящу тебе стихотворенье!
А, впрочем, ладно. Ты себе судья.
Но под тобой качается планета, -
По одному расходятся друзья.
Ты их винишь. Себя вини за это!
Да, я ушёл. Да будет мне урок.
Я шёл к нему почти четыре года.
Пока не протекает потолок,
Не так заметна ясная погода.
Поймёшь ли ты? Я забывал про мать.
Какая жертва лживой дружбы ради!
А сколько я сумел бы написать
За время то, что на тебя затратил?
Не знаешь ты. И сам я не скажу.
Да Бог с тобой. Такая всюду воля!

Понятно, чем в тебе я дорожу –
 Уменьем пропадать, не вызвав боли.
 И даже большим: золотая кладь
 Твоё такое редкое уменье –
 Великое уменье пропадать,
 Огромное оставив облегченье!

ГОП-СТОП

маленькая поэма

Идёт человек
 И по старой привычке
 Несёт он в карманах
 Усталые руки.
 По звуку – имеет медяшки и спички.
 По виду – на «явах» катаются внуки.
 А следом девчонка.
 Идёт и боится.
 Сердечко трепещет – обычное дело...

Какие-то пятна,
 А может быть, лица
 Качнулись во тьме –
 Словно чёрная птица.
 Глазами белея
 Неслышно взлетела.

- Пойдите, мне страшно!

Пойдёмте-ка вместе!

...И вот они рядом –

Втроём с разговором.

Но ветер ударит
 По кровельной жести,
 То кошки завоюют
 Взбесившимся хором.
 Окраина.

Вечно потухшие лампы.
Заросшие скверы.
Полынь, как болото,
И тянут деревья
Когтистые лапы,
И кажется, схватят,
Придушат кого-то...

- А где ты живёшь-то?

(Лицо незнакомо)

Приезжая что ли?

Девчонка смолчала.

Замедлила шаг:

- Да, считайте, что дома.

И в тёмный проулок рукой указала.

А там уж давно

Все дома нежилые.

И он это знал. И она знала это.

Вгляделся в глаза,

А глаза неживые!

Под чёлкой

Две капельки лунного света.

Под сердцем кольнуло.

Припомнил: «Креститься!»

И вдруг обернулся на звук за спиною:

К нему подлетела

Та самая птица –

К нему подбегали

Какие-то двое.

Рванулся

И прочь побежал неуклюже –

Тяжёлый, давно отучившись от бега,

Куда-то в кусты,

По стекляшкам, по лужам...

А в небе светила

Холодная Вега.

...А кто-то храпел
И слюнявил подушку.
Зализывал кто-то
Душевные раны.
А где-то упрямо
Выплёвывал девушку
Под град оплеух
Таксофон неисправный...

Бежит человек –
Огибает планету, -
По жизни,
По датам,
В былое вжимаясь.
Бежит человек,
Превращаясь в комету,
И снова
В себя самого превращаясь.
Бежит он –
На грани животного крика.
И двое –
На грани звериного рыка...
Так пусто вокруг:
Заколочены двери.
Несутся окраиной
Дикие
Звери!
Подшёрсток уже
Задымился по коже,
И шерсть пробивается
Серым туманом.
Здесь выстрелом в воздух
Уже не поможешь.
Здесь только в упор –
- Под лопатку –
- Жаканом!

Удар! И окончена
 Эта погоня.
 Кастетом по темени –
 Верная гибель!

Упал человек.
 Сторублёвка в ладони,
 Табачные крошки прилипли на сгибе...
 Лежит он
 (Неловко подвёрнуты ноги) –
 Чертой под былым.
 На виду.
 На дороге...

В брезгливых ужимках
 Карманы обшарив
 (А в них ничего,
 Кроме старых билетов),
 Гремя пустотой
 Мозговых полушарий,
 Бежало зверьё,
 Подгребая ушами...

(Гоп-стоп называется промысел этот.)

Они уносили чужую получку,
 Остатки хвостов поджимая трусливо.
 И та восемнадцатилетняя
 Сучка
 На маминых шпильках
 Порхала красиво.
 Им жить –
 И ума, и чинов набираться,
 За место под солнцем
 С подобными биться,

Но им до людей никогда не подняться!
 Но им до зверей никогда не спуститься!
 Куда им!
 Пешком до Китая короче!

Но жизнь, как назло,
Всё расставит иначе.
Они человека
Загнали по-волчьи,
Оставив его умирать по-собачьи.

КЛАВДИЯ

баллада

Небо завывло в бурю.
Пригнулся камыш над прудом.
Словно на лапах курьих
Дома идут ходуном.

Кувыркаясь в тучах изорванных,
Пролетают охапки воронов.

Клавдия – нищая, - чёрных лохмотьев,
Грязных лохмотьев пук.
Вспыхивала восковой плотью
Полумёртвых лица и рук.
Коромыслом спина выгнута,
А в глазах уж могила вырыта.
Нарасхват она. Всяк человек
Хочет Клавдию пустить на ночлег.

Сядет. Платок развяжет, -
Космы седые прольёт,
И за чаем такое расскажет,
О чём и не знал народ.
Перепутана вся небылицами –
Только слушайте, да рты разевайте.
Хозяйка руки опустит со спицами,

Детвора каменеет лицами,
Хозяин пепел сыплет на скатерть.
Так рассказами заморозит,
Аж сама от страха дрожит!

А, бывало, рассказ начнёт,
Стук в окно: «Отопри, хозяйева!»
И сосед, громыхая, войдёт –
В пол-лица папиросное зарево.
Вдарит по столу – прыгнет каша. –
«Нынче очередь наша!».

Соберёт она смирно пожитки,
На пороге пожмёт плечами:
«Коли так – не тужите шибко.
И оставит людей в печали.
А в соседнем доме баня топится,
Молодая картошка варится.
Накрывают на стол, торопятся, -
Как иначе? – идет рассказчица.

- «Расскажи нам что-нибудь, Клавдия».
- «Выключайте, пострелы, радио!»

Клавдия в баню ходит.
Чаю напьётся, - румяная.
«Как-то в запрошлом годе
Напилася, помню я, пьяная.
Ну иду, не боюсь (нынче воры не те),
Вдруг-то, здрасте-пожалуйте, - оборотень!...»
Как пойдёт заливать, приукрашивать,
Всякой всячиной ошарашивать!

Так и пройдёт ночь.
Непогода стихнет к утру.

И потащится Клавдия прочь,
Развеваясь лохмотьями на ветру.

«Вот и сыта. Вот и жива...» -
Станет нищая думу гонять. –
«За день просохнет трава –
Будет, где ночевать.
А как снова грозу нанесёт,
Так пойду. Чай, пустит народ!
Будут слушать мою брехню.
Буду кушать я их стряпню...»

Озёра в дымке. Пред зарёю сыро.
Ты на заре изменишься в чертах.
Уходит ночь, как маленького сына,
Уснувший месяц кутая в кустах.
Бежит огонь по лабиринту веток
И умирает, выход не найдя.
Как миллионы маленьких планеток
На листьях светят капельки дождя.
Природа полна гордого молчанья,
Подобно осажденному кремлю.
Люблю в углях искать воспоминанья.
Когда с тобой – особенно люблю.
Костра уж нет. Идёт тепло на убыль.
Но падает заря на облака.
И на твои обветренные губы,
Что всю судьбу вместили в уголках.
И пробирает холодом до боли,
Едва золой становится костёр.
Мне эта жизнь дороже всех тобою
И влажным взором дымчатых озёр.

БАЛЛАДА О СЧАСТЬЕ

Не поётся скворцу.
Да, погода не та.
Третий день голосят
И свистят провода.
Третий день
Только шорох ветвей за окном.
Хорошо бы к соседу
Сходить за вином!
Эта чёртова хмарь
Мне покоя не даст.
Всё какие-то странные
Думы про Вас...

Ветер серыми чайками –
- Помню – кричал.
Вы стояли и тенью
Ломали причал.
Одиночеством всем над холстом наклонясь,
Вас какой-то художник писал, торопясь.
Кисть летала в руке узловатой, как плеть.
На его колдовство было страшно смотреть.
Он писал,
Возвращая на место виски,
Словно разум его
Уходил на мазки.

Вы не видели нас
И смотрели туда,
Где несла буруны
Штормовая вода.
(Показалось мне –

Волга утроила злость,
Задохнувшись
От свежести Ваших волос)
Бились чёрными крыльями полы плаща,
В бесконечности серой просвета ища...
И (такое бывает единственный раз)
Вдруг Вы взглядом с размаха
Ударили нас!

- «Подержите», - и стали расстёгивать плащ.
И художник застыл,
Распрямясь в карандаш.
Я сутулился рядом
Несчастной судьбой
...Хохотал, и разбрасывал пену прибой.

Отошли Вы, забросив лицо к облакам
И одежду сердито роняли к ногам, -
Словно луч предзакатный
Упал на причал.
Мы стояли,
Безмолвно и страшно крича.
Я смотрел и смотрел –
Насмотреться не мог.
Так была ослепительна
Молодость ног!
И ладонями глаз
Вашу грудь согревал –
Даже ветер от ревности
Глухо стонал.

Шея, волосы, плечи...
Да что говорить! –
Ради этого стоило, стоило жить!
И до полного счастья

Рукою подать –

Подойти

И в безумстве

купальник

сорвать!

Но у счастья, увы,

Не бывает вершин.

И несчастнее не было

В мире мужчин.

А художник очнулся,

Одежду собрал,

Улыбнулся и мне половину отдал.

(Вспоминая, себя мы едва узнаём, -

Как мы Вашу одежду

Держали вдвоем...)

Долго-долго ходил он повсюду за мной

Тёплый запах духов и воды ледяной...

Вы мелькали в волнах,

Пропадая из глаз.

Вы, наверно, давно

Позабыли про нас.

Но под сенью того непогожего дня

Я не знал человека счастливей меня!

Я давно уж остыл.

И теперь никогда

В дни, когда

Голосят и свистят провода,

В дни, когда

Только шорох ветвей за окном,

Вы приходите в мой

Замерзающий дом...

Приеду, обязательно приеду!
Твой муж – моряк. (Суметь бы угадать)
Я принесу шампанского к обеду,
И под хмельную лёгкую беседу
Я ничего не стану вспоминать.
По-прежнему тебя интересую...
А что потом? Тебе-то как потом?
Перемешаю всё, перетасую
Плетёным издевательским кнутом.
Тебе оставлю прошлое смятенье.
Погревшись у чужого камелька,
Уеду, как хозяин положенья.
Но всё равно признаю поражение,
Отдав победу в руки моряка.

Посвистывают санные полозья.
Искрится в окнах сказочная вязь.
Румяная, стоишь ты на морозе,
У нашего забора, прислонясь.
И долго после этого мне снится,
Что я тебя веду под локоток,
А снег идёт и в шелесте кружится,
На твой тихонько падая платок...
Вот всё, что я за многими грехами
Запомнил кроме этого платка.
(Он был похож на утро с петухами)
Ах, до чего же память коротка!
Проходят годы, снегом осыпая.
...За сотнями позёмок и порош
Ты мне теперь встречаешься другая,
И никогда меня не узнаёшь.

Ты расцвела. Ты стала много строже.
И с той девчонкой в бабкином платке
Ты ни одной снежинкою не схожа
На лисьем дорогом воротнике.

Наши чувства словно в упаковке.
Наши души словно за спиной.
В заводской обшарпанной столовке
Как-то я услышал «Дорогой...»
И, поверьте, чуть не подавился.
А потом всё думал – как же так?
Я бы драке меньше удивился,
Грубый, неотёсанный чурбак!
...Ехал я с работы и, желая
Утвердиться – прав я или нет,
В тесноте галдящего трамвая
Провести решил эксперимент...
Люди расступились осторожно
И старались тише говорить.
И неловко стало, и тревожно.
Неужели это невозможно –
Друг для друга души отворить?
...Посреди махин бесчеловечных
С тысячами запертых мирков
Я летел, расталкивая встречных,
Позади не слыша матюков.
И жену за плечи обнимая
Рядом с грудой грязного белья,
Выдохнул, всю нежность выливая:
- Милая, хорошая, родная,
Самая желанная моя!

МОЙ ДВОР

Проеду в автобусе две остановки.
Окраина. Вечер. Закат вдалеке.
Мой двор (как всегда ни единой обновки)
Со мной говорит на родном языке.
Темно во дворе – к фонарям непривычка.
(Поистине, рай для шпаны и ворья!)
И только над жэковской древней табличкой
Стучит мошкара по стеклу фонаря.
На детской площадке сидят выпивохи.
Гуляет с овчаркой какой-то малец.
Кашачья грызня, да старушечьи вздохи,
Да синие пятна табачных колец...

Горит листва. Я тоже в дыме.
Отшелестело. И сгорело.
Целуйся, милая, с другими.
Мне до тебя уж нету дела.
Горит листва. Прощанье с нею –
Затверженная неизбежность.
Конечно, я тебя жалею –
То в жалость переходит нежность.
Горит листва... Весь мир безбожен.
Какой уж тут поход за раем?
Все (кто пораньше, кто попозже)
Мы синим пламенем сгораем.
И ни к чему страданья эти.
И ни к чему вся эта жалость!
Но всё ж хочу, чтоб ты на свете
Немного дольше задержалась.

На перепутье сотен сквозняков,
Где тополя замёрзшие кричали.
Стояли мы – две краткие печали
Под фонарём, сжигавшем мотыльков.
Хрипело в тучах... Сколько их летело
Над миром неоправданных измен.
... Ты никаких претензий не имела.
Я никаких претензий не имел...
«Ну что ж, пока...». Судьба за всё ответит.
«А хочешь, на прощанье провожу?»
... Бывают же случайности на свете.
Я ни одной из них не дорожу.
Под ветра вой, под звон чугунных лбов
Ты исчезала... Вот и все печали.
Хрипело в тучах. Тополя кричали.
Любовь, любовь... Какая там любовь?

Ты по свету лунностью летаешь
У летучей мыши на крыле.
Ты меня, холодная, пугаешь,
Бликом леденя на стекле.
Ни лица, ни тела – вся размыта.
Ни шагов, ни вдоха. Тишина...
Ты забыта, ты ж давно забыта!
Памятью, как ветка, сожжена!
Отлети туманистою ранью,
Пропади куда-нибудь во мгле.
Я и сам – одно воспоминанье,
Голой тенью замер на стекле.

Что за народ? – восклицание частое.
Что за правительство?! – громкие выкрики.
Я никогда и нигде не участвую,
Вместо меня только иксы да игреки.
Время от времени грянет судилище,
Хором найдем одного подсудимого.
Кто в соучастники? – Оных не выищешь.
Кто в обвинители? – Все до единого!

Они за нами увязались
На самом краешке земли.
Они сначала не кусались,
Они объедками питались,
Тихонько чавкая вдали.
К нам подойти они робели,
Сбиваясь в кучку на ветру.
Но понемногу осмелели,
И всё выискивали щели
Поближе к нашему костру.
А если их не замечали, -
В вечерних трапезах урча,
Они забавно верещали,
Они так жалобно пищали,
Кривыми ножками суча!
Потом подачку пожирали,
Укладывались на бочок,
Но про себя напоминали,
Покашливая в кулачок...
Пригрелись, выжили, отъелись,
Толкаясь весело у ног.
На наших глядя, приоделись,
И расплодились под шумок.
Мы позволяли им резвиться,

Играть, покусывать слегка,
И всматривались в лица,
Которых не было пока.
Так постепенно рядом с нами
Из года в год, из года в год
Обзаводился именами
Их многочисленный народ.
Он жил, не чувствуя запретов,
Уже не прячась, не боясь.
... Не разглядели мы, что это
На свете нелюдь завелась.

В.Высоцкому

Посмотри, как бегут волны!
Но недолго их бег длится.
Только ветер летит вольно
И хохочет с небес в лица!
Мы заборами мир делим,
Бьёмся яростно клан с кланом...
А он любил этот мир цельным,
Ненавидел его рваным!
На законах – печать рабства.
Соблюсти – значит, склеп вырыть.
Он присвоил себе право
Жить, со светом со всем ссорясь.
Глянeshь в очи – сама правда.
Глянeshь в душу – сама совесть.
Он кричал в небеса с жаром,
Исходя грозovým светом:
«Человечества гул жалок,
Если голос ему не дан».
И покуда мы все жили,

Продавая себя детям,
Он почти обрывал жилы,
Чтобы голосом стать этим.
Он уже достигал цели,
Становясь небесам вровень.
...Мы живём бы его съели –
Так желали его крови!
Но случилось – он в год хмурый,
Весь бураном объят серым,
За красивой уйдя дуррой,
Был задушен её телом.
Словно лошадь под ним ржала.
И собравшись толпой голой,
Мы плескались в заре алой,
Что текла из его горла.

Берег утренний. Не журчит вода.
Только дождь идёт босиком.
Только пташкину донесло сюда
Песню тихую, с холодком.
Вот летит она, опускается,
Завивается тонко в нить.
Вроде слышится – грешник кается,
Не надеясь грех замолить.
Вроде плач вдали – зверя, выпи ли...
Или цыгана в струнах страсть:
Словно мать его в поле вывели
И оставили умирать...
И по всем полям, и по всем лесам
Разливается песня-грусть,
Да такая, что не посмею сам
Про беду свою вспомнить.
Всё мне кажется: слёзы капаят,

Ручейком плывут из болот;
И никто тебя не порадует,
И никто тебя не поймёт.

Пропадай! Не стану резать вены.
Прошлую оставь мне тишину.
Ни вины не будет, ни измены,
Даже добрым словом помяну.
Был и нет. На всех не хватит чувства. —
Истина. (Увы, стоим на ней.)
Прошумит моё шальное буйство
Косяком голодных окуней.
Да и впрямь, ну что во мне такого,
Коль в мозгах сплошная толчея?
Поскорей найди себе другого,
Чтобы он умнее был, чем я.
Много их: не знавших безрассудства,
У которых чин и седина,
У которых руки не трясутся
Над рекой пролитого вина.
Что ж, пойду. Судьба за всё ответит.
Кабы знать, что встретится в пути...
Множество случайностей на свете.
И меня случайностью сочти.
Голосом твоим перестрадаю,
Облик твой туманом обложу.
В непогоде медленно растаю.
Узелок на память завяжу.

Случилось – непогода налетела
Такая, что ложись и помирай.

А небо клокотало и кипело,
И звёздами плескалось через край.
Кололся снег. Толкался ветер тупо.
Неслась пурга, покойницы седей.
И лишь одна мечта – теплой тулупа –
Жила во мне – добраться до людей.
...Добрался всё ж. А как и сам не знаю.
Открылась дверь и я в избу вошёл.
Тут было тесно, душно, как в трамвае.
Но всё равно безумно хорошо!
Полно людей, промёрзнувших до бели.
...Нашлось вино и доброта в глазах.
Мы выпили, согрелись и запели
Народную на разных голосах.
Мы долго пели пьяно и разбойно.
(Вот это был поистине союз!)
И я тогда впервые остро понял,
Как страшно одиночества боюсь.
И радовался каждому оттенку,
Кидая песню в серую пургу...
С тех пор пою. Пою, как пьяный в стельку.
Пою и всё. Напиться не могу.

Зима. Холода. Снегопады. Метели...
С тобой на прощанье мы посидели.
Не дрогнул. Не обнял за гордые плечи.
Казалось, так будет проститься полегче.

Зима. Холода. Снегопады. Метели...
Мы всё же друг друга с тобой проглядели.
Виной не судьба, что дороги нам чертит,
А наши с тобою понятия о чести.

Зима. Холода. Снегопады. Метели...
Родная, ведь мы же друг друга хотели!
Но что-то юлили. Но где-то плутали.
Наверно, от этого просто устали.

Зима. Холода. Снегопады. Метели...
Промчится пожар, где леса шелестели.
Придут города на поля снеговые.
И ты обо мне пожалеешь впервые.

Зима. Холода. Снегопады. Метели...
Непросто слагаются дни и недели.
Непросто забыть, если память, как лошадь.
Сложна эта жизнь, но не хочется проще.

Дедов мир...Сазаний – в зорях – пляс.
Лёгоньким туманом занавешен,
Высоко и вольно тополясь,
Машет мне ладонями скворешен.
Он меня так верно ждать умел
В дни, когда продав его грошово,
Я красивой дурою болел
Под крестами города чужого.
И когда подолгу жил в тоске,
И когда терял от счастья разум,
Терпеливо ждал он вдалеке,
Ждал и ждал, как будто был обязан.
...Прикипаю намертво к рулю,
Уезжая к новому народу.
Милый край...Всю душу оголю! –
Я его не знаю как люблю,
Но, наверно, больше, чем свободу.

И уж лучше холмик из камней,
Чем в душе уверенность такая:
Что ни лист, ни былка обо мне
Ласково не вспомнят, умирая;
Что, вернувшись в этот хмурый день,
Не увижу, глянув виновато,
На оконном небе деревень
Стариков лучистого заката...

Легче жить, пока живёшь, не мучась,
Выгнувшись дугой на остроге.
Но упрёком за чужую участь
Щучий глаз туманится в реке.
Человече, как же ты испорчен!..
Рыба, рыба, разве я один?
До краёв мои залиты очи
Светом знаменательных годин.
И клубок обид туда забросив,
Где луна летит невысоко,
Припадаю к вымени колосьев,
Пью росы ночное молоко.
Тут вдали от ласковых пристанищ –
Как змея, свивает кольца страх:
Совестью и то не напитаешь
Землю, оскудевшую в дымах!
...Ухожу. А боль идёт вдогонку,
Зим былых протаивая снег.
Я несу её как похоронку.
...Ты укрой попонкою болонку,
Весь заплывший салом, человек!

Устал. Судьба ждала итога.
Среди оплётанных могил.
Мне оставалось верить в бога.
А я тебя обожествил!
Разъяв небесную глубинность,
Вступила ты в свои права.
Вечерним облаком клубилась
Твоя святая голова.
Губами ласково коснулась
И, высвещая мир теней,
Твоя божественная юность
Осталась в памяти моей.
«Не отрекись!» - молил в испуге.
А сам не верил наотрез,
Что ради горького пьянчуги
Ты отрекалась от небес.
Всего меня преображала
(Такие тяготы взяла!)
Дрожала, мучилась, дышала,
Как будто вновь меня рожала...
И наконец-то родила.
Гляжу – глазами потемнела.
И тут слетело с языка:
«Скажи, ведь ты любви хотела?»
Ты отвечала: «Мужика...»

СКАЗКА

Не буду мудрить со вступлением длинным.
У края, а может, в серёдке земли
Жила одна женщина с мужем и сыном.
Не знала округа счастливой семьи!

Сама молодая. Мужик не гулящий,
И плечи могучи, и грудь широка...
Такой уж хороший, такой работающий!
Но вдруг подкосила болезнь мужика.

И вот, когда кончились в доме лекарства
И чаще заглядывал в окна народ,
Решила – пойду в тридесятое царство,
Где ведьма лесная – по слухам – живёт.
Уж как доплутала, никто и не знает.
Всей болью старухе рябой пролилась!
И вот что ответила ведьма лесная,
Лукаво прищурив единственный глаз:
«Все ноги собьёшь, но снадобья не сыщешь.
Гляди – на поляне девиц хоровод.
Вот, баба, ступай, выбирай покрасивше.
Веди к мужику – вся хвороба пройдёт!
А прежде подумай...» Взяла и пропала.
- «Сгублю мужика, если вспомню про честь.
Эх, будет что будет!... Три дня выбирала,
Но выбрала самую, что ни на есть.
За ручку взяла. Постояла, вздохнула.
И в то же мгновенье вернулась домой.
У крайней избы на крылечко впорхнула.
«Не помер ли мой?» - Не помер. Живой!
Ну слава Те, Господи!». Вмиг полегчало.
Назад обернулась – заря вдалеке.
- «Деввица-а-а, ты где-е-е?». Пождала, покричала,
Пошла по селу, смяв платочек в руке.
«Поверила, дура, нечистой-то силе!...»
Последней кровинкой остыла в груди.
А встречные люди глазами косили:
«Гляди, объявилась... Вернулась, гляди...»
Изба в безутешности яблонь осенних.
Печальная песенка твари ночной...

«Но что это?» - Вздрыгнула: новые сени,
 И окна светлы, и поют за стеной...
 «Туда ли попала?». Подходит поближе.
 Встаёт – ни жива, ни мертва - у окна.
 А муж – здоровущий, румяный да рыжий –
 Поёт, нависая над чаркой вина!
 И ясно узрела, от счастья немая,
 Божественный лик сквозь небесную муть.
 Опомнилась лишь, когда сын, обнимая,
 Дохнул теплотой в материнскую грудь:
 - «Не верю я ей, что ты ведьмою стала».
 - «Кому же?». И чует – на сердце зола.
 - «Была у нас тётя, она и сказала,
 Ну та, что батяньке рубаху латала...»
 - «И часто ходила?»
 - «Однажды была» -
 Сказал... Прохрипела: «П хоть бы и часто.»
 Отпрянул, глядит: заострилась в плечах,
 И сморщилась кожа, и пальцы крючкасты,
 И мечется пламя в зелёных очках...
 Изба полыхнула... А кто виноватый?
 (Земля над ответом посохни травой!)
 Лишь долгое эхо: «Изменщик проклятый!»
 Да хохот безумный. Да столб огневой.

НА ПРОЩАНИЕ

Край чужой, затуманенный, серый.
 Чернота и убожество дней...
 Приезжал я, поссоренный с верой.
 Уезжаю, обнявшийся с ней.
 Ничего, что потеряно много!
 Видно, был я чертовски богат.

И весёлою вышла дорога,
По которой поеду назад.
Вот и всё. Ничего не прибавить.
Как бы ни было там впереди,
Край чужой, взбереди мою память,
Сумасшедшей тоской взбереди!
Чтобы взвыть умирающим зверем,
Стосковавшись среди мелодрам,
По дождям, по болотам, по елям,
По большущим зелёным глазам!

Что-то стало писаться не очень.
Так недолго до этого шлось!
Дом мой ветхий совсем разворочен.
Край мой милый немногоголос.
Папироса, набитая туго.
Отсырела и не зажжена.
Мне сегодня милей, чем подруга,
Поллитровка плохого вина.
Тихо в небе. А хочется ветра,
Крика хочется, гула, огня,
Чтоб души раскалённые недра
Вскрылись вдруг и убили меня!
Пусть к моим неостывшим угольям
Ходят люди ладони погреть,
И под песенку твари над полем
Возвращаются к шумным застольям,
Чтоб от счастья потом умереть.

С.Есенину

Что-то в мире случилось.
Такое огромное что-то!
Всё, чем жил до сих пор,
Полыхнуло огнём грозовым.
И родного теперь –
Три могилы в лесу у болота,
Да чужая жена
И волос её ласковый дым.
Воет пёс беспризорный
В саду, где посохла вишня.
Гладко пелась судьба
Презиравшего слякоть и муть.
Хороша была песня,
Да в чём-то немного не вышла.
И никто никогда
Не захочет её подтянуть.
Ты поплачь про меня,
Одичалая добрая псина.
Я и сам бы поплакал,
Да что-то не плачется мне.
Эх, всадить бы в живот
Остриё журавлиного клина,
И сорваться с него
Где-нибудь в отдалённой стране!
Иль кустом прорасти,
Наклонясь под окатанным камнем,
У развилки дорог,
По которым народ и народ, -
В тех местах, где влюблялся,
Где пьянствовал, где хулиганил,
Озарённой листвы
Озорной завести хоровод!
Или кануть в траве

И уже никогда не подняться,
Чтобы, мучась молчаньем,
О днях отлетевших молить;
На каких-то девчонок,
Которым едва по шестнадцать,
Распахнув васильками
Отцветшие очи мои!
И поняв наконец-то
Простое своё назначенье,
Наслаждаться судьбой,
Принимая, что было и есть.
И сложить напоследок
Хорошее стихотворенье,
Дабы слышали все,
Ни строки не умея прочесть.

Стоит над Волгой бор. Висят с обрыва тени.
Так обнажён простор, что опускаешь взгляд.
Упасть бы головой на девичьи колени –
Покаяться, в чём был и не был виноват!
Я выплакал бы ей открыто и покорно
Об отлетевших днях, о женщине о той,
Что за меня всю жизнь была спокойна,
А я давно забыл, как выглядит покой.
И о жене чужой, что как-то дверь открыла
И целый год затем со мной делила сны.
(Она в себя с тех пор четвёртого влюбила,
Но нету в том её и четверти вины.)
О бросивших друзьях, что канули навеки.
О множестве других, набившихся в друзья.
О спившемся давно хорошем человеке,
Которым вся судьба просвечена моя.

И встал бы перед ней, грехами запорошен,
Прощенья не прося, с заплаканным лицом,
За то, что я теперь, поэтом став хорошим,
И сыном стал плохим, и мужем, и отцом.

Как у нас во дворе, где молчанье, да вонь от уборной,
Где одним фонарём по заборам размазана грязь,
Появился однажды репьястый, хромой, беспризорный
Пёс, подобных которому я не встречал отродясь.
Он приплёлся угрюмый (таким не бросают подачек).
В ямы тощих боков затянуло холодную мглу.
И упал под окном, где мерцал, словно солнечный зайчик,
Дядя Саня безногий, прижавшийся носом к стеклу.
А луна паутинно стремилась по шерсти по ржавой
И в звериных глазах колыхала зелёную жуть.
Мы его стороной обходили на всякий пожарный...
Он за нами ходил и всё руки пытался лизнуть.
Постепенно привыкли. Потом перестали бояться
И заметили вдруг за потоками сплетен и лжи,
Что умеет наш пёс широко и светло улыбаться,
И несёт тяжело золотой самородок души!
Был собачьим язык, но никто не просил переводу.
В стороне от чинов и сиянья учёных плешин
Он такое умел, что, казалось, влиял на погоду,
Словно весь этот мир в одиночку поправить решил!
Терпеливо снося матерщину, плевки и окурки,
Посреди алкашей, как бы что-то пытаясь понять,
Он читал им стихи с выраженьем детдомовца Юрки,
И смотрел исподлобья на Юркину пьяную мать.
А ночами, застыв под засиженной мухами лампой,
Провалившись глазами в кромешную муть облаков,
Он царапал письмо неумелой коротенькой лапой
Старой деве, давно проворонившей всех женихов.

Что он ей написал, никому то она не доложит.
Перечтёт и опять перепрячет подальше конверт.
Но слегка веселей, даже как-то немного моложе
Голубеет во тьме дым её дорогих сигарет.
Если раньше мы жили в дремоте от склоки до склоки,
То теперь отыскалось по дюжине брошенных дел.
Расцвела наша клумба. Ребята взялись за уроки.
Дядя Саня и тот неожиданно жить захотел.
И пошло, и пошло... (В кои веки подобное было?)
Даже двери цепные сумел этот пёс примирить.
И соседка соседку впервые о жизни спросила.
И сосед у соседа впервые «стрельнул» закурить.
...Он пропал, бедолага. Кричали, искали повсюду.
Лишь под вечер его на задворках убитым нашли.

Разбирая теперь дней былых разноцветную грудку,
Всё гадаю о том, что случится со мною вдали.
Пёс же этот с тех пор в заповеднике памяти бродит
Среди песен листвы в окружении тварей и птах.
И люблю я смотреть, как при ясной полночной погоде
Золотая луна зацветает во псовых очах.

Н.В.Д.

Придут стихи. А их растащит ветер,
С чужих слетевший гор.
И вновь от глаз к дрожащей сигарете
Пустой проляжет взор –
Как свет окна, стремящийся к иконе
В заброшенном дому;
Как жизни нить на старческой ладони,
Не нужной никому.
И тишина такая, что с позором

Закроется тетрадь.

И всю судьбу с цыганским перебором,

Забыв, переиграть

захочется до хруста сухожилий!

Была ль она судьбой,

Коль всю её стихи опустошили,

Презренные тобой?

Коль я над ней, измучившей всю память,

Слезинки не пролью?

Коль от неё сумела ты избавить

Нелёгкую свою?..

Наш позор – бродячие собаки.

Как-то подошла ко мне одна,

И хвостом показывала знаки,

Что в меня безумно влюблена.

А потом с пугливым взглядом вора,

Не умея жадность погасить,

Та собака ела помидоры.

(Больше нечем было угостить)

Вместо шерсти грязное мочало.

Приласкать – не в душу заглянуть...

Вздрыгнула, вскочила, зарычала,

А во взгляде – бешеная муть!

Злом на зло (мой пёс, он бегал рядом):

Не имея права не успеть,

Низовым ударила снарядом

Вороная любящая смерть!

Мне теперь виной делиться не с кем.

И до самой ночи под дождём

Я бродил по улицам советским

Со своим породистым, немецким

Сытым и холёным кобелём.
И в глазах проваливалась бездной
Каждая собака на пути...
Я тащил на шее крест железный
И тяжёлый «шмайсер» на груди.

Не делите, родные, со мной эту черную участь.
Не жалейте, друзья, что в былое просрочен билет.
Благодарен тому, кто меня забывает, не мучась.
Презираю того, кто бредёт по-собачьи вослед.

Д.

В небесах – красивая – летала.
Молодую, сильною была.
Красоту по пёрышку теряла –
То орла, то лебедя ждала.
А сегодня рядом поселилась.
И верша судьбы круговорот,
Всё считает – мягко приземлилась.
А на самом деле сбили влёт.

Вы все меня поймёте позже,
Когда другой придет – моложе
На вопли ваших дележей.
Он тихо в двери постучится
И, с детской робостью войдя,
На вашей финской полировке,

Смахнув листы и копировки,
Ножом моё напишет имя,
В кармане ручки не найдя...

НАВАЖДЕНИЕ

Что-то вдруг надломилось внутри
И сковало движения.
И мозги закричали: «Из черепа выньте нас!»
И заметилось, как по душе потихоньку
Наметилось ожирение.
И рука моя правая вдруг окопытилась
И захрюкало горло.
И хвост показался спиралевый.
И каким-то ленивым я стал,
Розоватым и заспанным.
А из дома, где раньше
С крыльца мне бросали «Проваливай!»,
Люди звали зайти,
Пряча ножики острые за спину.
...Я смотрел на круженье грачья
Над весенними пашнями,
На улыбчивость дальних лесов,
Где когда-то ветвился я, властвуя.
Всё, что больно любил,
Обратилось рядами калашными.
Но не стыдно мне было
За рыло своё пятакастое.
Я на блюдо уселся,
Румянясь поджаристой корочкой,
Не волнуясь нисколько
За это своё унижение.
Любовался тихонько

Хорошей такой комсомолочкой!
А меня аккуратно съедало её окружение.
Моя нежная плоть
Пропадала под щёчками толстыми,
Обращалась в кашицу
И многими шла пищеводами.
И не слышалось мне
За красивыми громкими тостами,
Как за стенкой кухарка
Терзалась напрасными родами.
Поздней ночью очнулся,
В ведре громыхнув мосолочками,
Был доглодан собакой,
А после её паразитами...
...Дни идут и идут,
Зеленея болотными кочками.
Я живу, отчего-то страдая
Чужими гастритами.

Вроде всё по-иному.
Иная погода настала.
Почернели иконы,
Которым давно не молюсь.
Лишь недавно мне близких
Друзей и подруг не хватало,
А сегодня в объятьях у них
Задохнуться боюсь.
И открыты мне двери
Высокого белого дома,
Где наставлено всякого
На бесконечном столе...
Что ж не греет камин,
А в перинах клопы, да солома,

И так пусто внутри,
Будто нету меня на земле.

КОРОЛЕВА

Посмотрю напоследок. Ни словом не трону.
Подниму воротник и пойду на закат.
Не метнёшься вослед мне, роняя корону,
Только бросишь презрительно: «Сам виноват!»
Обернёшься – ни свиты с тобой, ни кареты.
Лишь туман и копыт отдаляемый стук...
Постоишь и пойдёшь, вспоминая приметы,
Проклиная меня и предательство слуг.
И до ночи глубокой оттуда, где были
Твой раскидистый сад, твой дворец золотой,
Будешь молча брести по просёлочной пыли,
Возмущая проезжих своей красотой.
...Муж и дура-свекровь будет вся тебе свита.
Не укажешь на дверь, закапризничав: «Вон!»
А в дому у тебя всё тазы и корыта,
Да мужицких носков пролетарская вонь.

«И оближет волчица лицо мертвеца»

М. Дудин

День уходит, заброшенный сад серебра.
Что назавтра не знаю. Быть может, вернусь.
А сегодня со страхом смотрю на себя,
От того, что давно никого не боюсь,
Что минутой вперёд забежать не хочу,
И топчу эти дни, как зелёную тлю;

От того, что в друзьях то ору, то молчу;
От того, что стихи больше женщин люблю;
От того, что судьба не орлом, не ужом, -
Из-под солнца в дыру, где стаканчик налит.
(Поломаю, побью всё, чем был окружён!
И с утра, как назло, голова не болит.)
Тем и жив. Не беда, коли встретят меня,
Чтоб на радостном вдохе гортань пережать, -
Ведь родные леса зеленеют, звеня,
Ведь родные ветра позволяют дышать!
И хвалю эту жизнь, и не верю в конец.
И считаю – она хороша и легка.
Хоть спина так и ждёт под лопатку свинец,
Хоть лицо так и просит, и просит плевка.

Мир иной, мир, который никто не видал,
В голосах разноцветных и радостных птиц,
Есть ли он где-нибудь? Или это не так?
...Милый друг, если мимо тебя промелькну,
Не сказав на прощанье ни слова тебе,
Не сердись, что один я пытаюсь найти
Этот мир, этот ласковый радостный мир.
А другим объясни, ты им всё объясни.
Расскажи им тот стих, что я мог написать,
Но который когда-то напишет другой, -
Звонкий солнечный стих о листве, о траве,
О стране, где я всё-таки был одинок,
Как земная – в святом одиночестве – ось.

Рокот бурь. Колючие дожди.
Чёрных далей вечное волнение...

Многое простилось позади.
Многому не будет искупленья.
Что ищу? А кто бы это знал...
В ожиданиях не определиться.
Может быть, поэтому устал
И хотел бы к берегу прибиться.
Чтоб теперь, когда насквозь продрог,
Вышла ты из лёгкого тумана –
Маленький мой тёплый островок
В центре мирового океана.

В мире есть тишина, красота и безбрежность,
Значит, я просто так умереть не могу.
Я тебя, как ребёнка, укутаю в нежность,
Сберегу от ветров, от людей сберегу.

Взовьётся в ночи, залетая повыше:
- Любимый, ты слышишь?
- Любимая, слышу...
Ударится небо, катнётся по краю:
- Любимый, ты знаешь?
- Любимая, знаю...
Метнётся на землю, простонет за дверью:
- Любимый, ты веришь?
- Любимая, верю...
И вдруг – словно выдох сухой и горячий –
Откуда-то снизу:
- Любимый, удачи...

Можно, в общем-то, жить без вина
И без новенькой «Лады»,
И без чёрной икры,
И без дачи в сосновом бору...
Но дымят же заводы,
И строятся дачи и склады,
И в больших животах
Осетровые носят икру.
И, наверное, где-то
Растут огурцы без нитратов,
И цейлонского чаю захлёб,
Только нам невдомёк.
Эх, Россия, Россия, -
Ульяновск, Владимир, Саратов...
Эх, простая душа, -
Ванька, Машка, Петруха, Санёк...

Учил, как есть. Учил, как пить,
Чем заниматься на досуге.
Учил, как с женщинами быть,
Учил, какими быть должны подруги.
Учил, кого в походы брать,
Кого бояться в мире этом.
Учил погоду узнавать
По еле видимым приметам.
Учил освоить ремесло.
Учил, учил, как в стену бился!
И всё же я ему назло
Не тем, кем надо, получился.
Везде один. Повсюду сам.
Живу, всё больше сознавая,
Что нелюбовь к учителям –
Заслуга их, как таковая.

«Чем больше тебя я испытывал, верность,
Тем меньше я верил в твоё постоянство»

Н. Заболоцкий

Незванная гостья,
Нежданное чудо.
Зачем – непонятно,
Не знаю – откуда
Пришла и осталась
Пришла и влюбила, -
Меня у полмира
Взяла и отбила.
И так это страшно!
И так это сложно! –
Что в это поверить
Почти невозможно.
Но всё-таки верю,
И с каждой встречей
Всё крепче и крепче,
Всё крепче и крепче!
А гостья... А гостья –
В объятиях даже –
Всё дальше и дальше,
Всё дальше и дальше...

Сойду к реке
В ночные думы, звуки.
И вроде бы уже не наяву
Вдруг падаю, раскидывая руки,
И по теченью памяти плыву...

Друзья мои, вы молоды, вы живы!
...Но на волне напрасно тѣкших дней
Единственным хочу быть пассажиром
Свинцовой лодки
Совести своей.

Как муха, обжигаясь о свечу,
Ослепнувшая, носится кругами,
Так я зачем-то по свету лечу,
Земли почти не трогая шагами.

Светит месяц тусклый и угрюмый.
На моей на Родине темно.
Но какой-то ласковою думой
Голубое светится окно.
Мнится мне – сегодня всё, как ране:
Только выдь и кто-то вот сейчас
Полупьяно грянет на баяне,
В прошлое надолго облачась.
И щетиной хмурою поросший,
Позабыв с похмелья день и год,
Он споёт о Родине хорошей,
О веселой Родине споёт!
И, вдали от шествий и скандалов,
Вижу – тяжелеющий в грехах –
Вон летает Санька Шестопалов,
Запросто летает в облаках...

В окруженьи свиней толстокожих,

Когда хлебово ближе к концу,
Это просто – ударить по роже.
Но ударить нельзя по лицу.

Выгнали душу из тихой обители.
Вы её где-то, наверное, видели,
Кружит она на уродливых вырубках,
Ищет добра в негодях и выродках.
Нет у неё ни собаки, ни посоха.
Ветром кувшин ее вылизан досуха.
Нет ей дорог – лишь бурьян и обочины.
Там, где ночует – дома заколочены.
Там, где проходит – шакалы да вороны –
В разные стороны, в разные стороны...
Но никогда, ни единою язвою,
Весь этот мир, погоревший, повязанный,
Весь – до последнего гада в расщелине –
Не вызывал у неё отвращения!
Все его беды, ошибки, погрешности
Лишь от нехватки участия и нежности.

Ушла навсегда. Если так будет лучше – не против.
И я отосплюсь, и тебе не мешает поспать.
Злорадствуй теперь, когда знаешь – никто не воротит.
Подругам своим можешь всё обо мне рассказать.
Я всё понимаю. Мне даже не хочется мести.
Боюсь одного – всё, что было, порвать на куски.
Пусть будет во мне на твоём остывающем месте
Бесценность потери и сласть сумасшедшей тоски.

Стихло всё. В душе не стало леса.
Осознав, что всё-таки подлец,
Я к тебе иду без интереса.
Ухожу, вздыхая, - наконец!
Ты любовью исколола вены.
Пропасти зрачков твоих черны.
И не замечаешь перемены,
Что другим видны со стороны.
Мне теперь томительно и жутко,
Вроде лучший друг ушел в запой.
И прошу я только промежутка
В долгой туче, посланной тобой.
Грянь грозой! Мне эта хмарь постыла.
Ливнем вдарь наотмашь по окну!
Лишь бы знать, шепни, что отпустила –
В памяти глубинной затону.
Добрым словом вспомню, если вспомню.
Устыжусь неверности и лжи.
Побегу за радугой по полю,
Женщину оставив у межи.

И погасло вчера, словно ранняя старость,
Опустило полотнище в грубую нить.
От любимой два дня, как два пункта осталось:
На сегодня забыться, на завтра – забыть.
Было всё хорошо, интересно и просто,
И погожие дни ждали нас вдалеке.
И светло отражалась моя папироска
На любимом её голубом перстеньке...

С пережитым расстался постепенно.
Но память вновь, свою диктуя власть,
Заныла, как разбитое колено,
И струйкою кровавой пролилась.

Когда выходили незвучные строки,
И грудился стих мой, как ржавый металл,
Я словно бродяга, уставший с дороги,
В берёзовой роще ночлега искал.
Когда набегала обида волною,
И лица родных замывало песком,
Мне женщина вдруг становилась родною,
С которой до этого не был знаком.
А если казалась вся жизнь непонятной
И не было смысла куда-то спешить,
Встречали меня на дороге обратной
Все те, для которых отважился жить.

Судьба моя, продлиться дай зарок,
Не заверни к зияющему краю.
Ты говорила – дальше нет дорог,
А я ещё одну дорогу знаю.
Пойдём по ней, покуда я в цвету,
Покуда я чужих ласкаю женщин;
Покуда мной, хотя бы раз в году,
Кому-нибудь хороший стих завещан.
Душа моя, без боли не замри,
Не отлети в бездушный мир холодный,
Когда тихонько плачет у двери
Бродящий пёс, озябший и голодный.

Не отвернись, когда в последний раз
Приходит друг, чтоб от себя избавить,
И всё, что было доброго у нас, -
Не поспешишь – отдай ему на память.
Рука моя, несильная рука,
Железной стань, когда тебе случится
Кого-нибудь спасать от дурака,
Поняв, что больше нечем защититься;
Не оборвись ни жилкою одной,
Когда всем миром ищут виноватых,
А мир висит над бездной ледяной
В полопавшихся тросах и канатах.
Друзья мои, живите много лет!
Кто сам идёт, кого несёт и крутит...
Да сбудется! Меня иначе нет,
И не было, и в будущем не будет.

В день чистого неба вороны и галки
Слетаются в сад на веселый делёж.
А в комнатах тёмных свечные огарки.
А в пьяных руках непривычная дрожь.
Зачем ты пришла, моя светлая память,
В осколки стакана лучами упав,
Ведь этой судьбы всё равно не поправить
Среди пролетарских засад и облав.
Стоит невдали краснорожее стадо.
Пройдёт перекличка и снова на бой.
А ветхие двери ему не преграда –
Ни в память уйти, ни прикрыться судьбой.
Войдут, разевая голодные глотки,
Съедят со стола и полы заплуют.
И потом воняя, раскиснув от водки,
Они по-хозяйски мне стопку нальют.

Теперь это всё сам Господь не обяжет!
И нечего было в могилу снести,
Когда мою плоть по подошвам размажут
И кости потом раскидают в пути...
Душа улетит, одолев тяготенье,
Кумиров своих и друзей догонять.
Но будет бродить по ночам приведенье
И женщин любимых к живым ревновать.
...Но, может быть, этому вовсе не сбыться,
И всех мне забот до рассвета дожить,
В хорошую девушку спьяну влюбиться,
Хорошую песню друзьям подарить...

Не хожу в это чёртово место,
Непогасшую память кляня,
Где однажды чужая невеста
Ни за что полюбила меня.
...Я ворвался, как сроду врывался
В ту квартиру, где всё – к торжеству.
(Даже тополь на улице сжался
И от окон отбросил листву!)
Я молчал, понимая – случаен!
Но иное поняв – не уйти,
Попросил угостить меня чаем,
Потому, что знобило с пути.
...Стол накрыла. Вином угощала.
То ли душу хотела излить,
То ли юность свою провожала,
В одиночку боясь проводить...
Всё хочу, да никак не забуду,
Как потом в сигаретном дыму
Бил на счастье с размаха посуду,
И стихами кидался во тьму;

Как, до строчки повычерпав память,
На тахту повалился без сил;
Всё жалел, что судьбы не поправить,
И прощенья за что-то просил.
А потом, восходя, как на плаху,
Как на гложущий кости костёр,
В клочья рвал кружевную рубаху,
И обрывки швырял на ковёр...
Совершилось обычное дело,
Без особенных чувств и затей.
Это было обычное тело,
Как у всех у обычных людей...
Ничего обещать не решился.
Постоял на пороге чуть-чуть.
Посмотрел на часы, спохватился,
И продолжил оборванный путь.
Что теперь?..Как пешком до Амура –
До того злополучного дня,
Где замужняя толстая дура
До сих пор ненавидит меня!

Прости меня, друг, что к тебе не иду, -
Живу я сегодня как будто в бреду:
То в грязи лицом, то на светлой звезде,
То где-то... (Порою не выскажешь где)
А как уберечься? Такая судьба,
Что смерть у позорного встречу столба.
Прости меня, женщина... Нет, не прощай!
Ты лучше не помнишь меня обещаю,
Не плакать по мне, не встречаться в пути...
И всё же когда-нибудь после прости.
И, может, за это в какой-то из дней
Ты встретишь того, кто намного нужней.

Прости меня, память! – Иду напролом,
Провалы и пыль оставляя в былом.
Назад оглянусь – ни дорог, ни мостов,
И чёрные дыры вместо следов,
Забывшие люди и песни про них...
Но те, кто остался, дороже иных.
Прости меня, совесть, что горькую пью
И сроду покоя тебе не даю.
Прости меня, правда... Прости меня, ложь,
За то, что для вас для обеих хорош.
...О Господи Боже, грешу и грешу!
Наверно, поэтому крест не ношу.

Отрекись. Обвини в чем попало,
Если проще от этого или
Ты по вздоху меня растеряла,
Задыхаясь в космической пыли;
Если стал я нелепостью явной,
И свободы желаешь ты прежней;
Если где-то в ночи окаянной
Позовёт тебя более нежный...
Все вопросы мне станут понятны,
Только в двух будет мрачно и дымно:
Почему это белые пятна
Превращаются в чёрные дыры?
И зачем в мире зла и разлуки,
В совершеннейшем этом абсурде,
Существуют какие-то звуки,
Существуют какие-то люди?

Мир ко сну леденел.
Даже ветер улёгся, проклятый.
И холодный закат
Тишину по земле распростёр.
Я по Родине плакал,
Сто раз перед ней виноватый,
В полумёртвом саду
Запалив одинокий костёр.
А в лесу запорошенном
Редкие двигались звери.
И дрожала под снегом
Уснувшая на зиму тварь.
Чей-то дом шевелил еле-еле
Незапертой дверью,
И смотрел, ненавидя меня,
Как подбитый глухарь.
И никто меня больше
По самое утро не слушал,
И не видел никто,
И никто не касался души, -
Словно продал я дьяволу
Эту бездомную душу,
И безжалостно трачу
Почти дармовые гроши...

Люди, милые люди, наверно, я не понимаю
Свою странную жизнь, свои годы, что пылью легли.
Дорогие мои, вашу жизнь я всерьёз принимаю,
Только очень мне жаль, что меня вы понять не смогли!
Налетят снегопады, опять ваши тропы укроют,
И как будто сначала начнёте вы судьбы свои.
Дорогие мои, я мешал вам! Но жизнь эта стоит,

Чтобы вы позабыли меня, дорогие мои.
Я пойду в те края, когда сны глубоки и покойны,
От чужих очагов, от убитых, от выпитых рек...
Пусть проходят планетой пустые и глупые войны,
Пусть себе существует забывший про всё человек!
Я пойду в те края, чтобы песни хорошие слушать,
Чтобы тех листопадов увидеть золотую метель.
Я пойду в те края успокоить усталую душу.
Только пусть обо мне на болоте споёт коростель!

Почернели, оплавилась перья.
Больше нет в поднебесье орла.
И зловещая туча безверья
Вороньём в облака потекла.
Разливаясь сплошным океаном,
Всё покрыла: восход и закат.
И пошёл я к своим истуканам,
Что в былом величаво стоят.
Я искал там приметы и знаки,
Я искал там глаза маяков
С обезумевшим взором собаки,
У которой украли щенков.

Там, где свалена в кучу
Почти половина российских
Исхудалых, с торчащими рёбрами
Выдоенных деревень,
Я совсем забываю,
Что есть Пикассо и Россини,
Попадая в бандитскую ночь
И орущий казарменный день.

Там иная шкала.
Там мораль измеряется в метрах,
Там плюют на искусство
И в душу поэта плюют.
И пылится рваньё
Голубого заволжского ветра,
Что носил мне мечты
И тепло капитанских кают.
Там ни птиц, ни цветов,
Лишь деревья-заморыши чахнут.
Всё потоптано, съедено
Вечно голодной ордой.
Там скандальные бабы
Бельём недостиренным пахнут,
И красивые девушки
Моются ржавой водой.

Полнолуние. Листва золотая.
Берег. Двое сидят у огня.
Милый мальчик, наивность святая,
Неужели ты любишь меня?

Холода. Холода. Обнесло снегопадами город.
Стая робких снежинок присела на чёлку твою.
Дорогая моя, ничего, что я верен и молод?
Если хочешь – исправлюсь. Я честное слово даю.
Я согласен с тобой – ты навек достоянье чужое.
Вот и пёс недоверчиво тычется в руки мои.
И заброшенный сад по ночам леденеет от воя.
Дорогая моя, обмани ты его, обмани!
Пусть волос твоих дух не волнует его, не тревожит

(Если кану в снегах, по нему он отыщет меня.)

Дорогая моя, я тот миг, что с тобою не прожит...

Проживи этот миг наступившего зимнего дня!

Ты, наверное, ждёшь: вот поникну без сил,

И дорожку в щетине протопчет слеза...

Я и преданным был, я и проданным был,

Но веселые вдаль простираю глаза.

Только этим и жив, только этим и горд!

И люблю в ослепительном блеске промчатъ

Меж обрюзгнувших рыл и завистливых морд,

Чтобы долго вослед продолжали кричать.

Пусть не свят я. (Теперь дефицит на святых.)

Но не вешай, прошу, на меня ярлыков.

Мир чертовски хорош. Дабы он не затих

Я живу для того, чтобы гневать богов!

Как метелью, грехами меня занесло,

Вот уж адов огонь вдалеке заалел...

Но ведь это не грех, что я так тяжело,

Что я так безнадежно тобой заболел!

Так легко в этом мире душой обнищать,

Даже если в сиянье она золотом!

Потому не могу ничего обещать,

Потому я тебе и не клялся ни в чём.

По планете гуляют ветра и дожди.

Им легко. Но и люди меняют приют.

Не спеши отвергать. Обожди, обожди!

Даже верных друзей не всегда узнают.

Но, как прежде, не веришь ты в мой непокой,

Всё большее стараясь меня уколоть.

Я бы мог просто так любоваться тобой,

Но куда ж её деть, эту чертову плоть?

Оторвусь от пустых буден,
Улечу от молвы ветхой.
Мы друг другу нужны будем,
Мы сомкнёмся, как две ветки.
Этот мир суетой залит.
В одиночку себя сгубишь,
Если только собой занят,
Если только себя любишь.
Кто-то загнан судьбою злою,
Кто-то злобу таит волчью...
А машина летит мглою,
Вырывая куски ночи.

Полюбил тебя опрометчиво.
Оглянусь теперь – верить нечему.
И подумать-то было некогда!
Возвратиться мне больше некуда...

Мне сегодня так плохо,
Сегодня так страшно и мглисто!
Спой мне, псина бездомная,
Долгую песню тоски.
Эх, позвать бы теперь
В собутыльники мне гармониста,
Чтобы самую милую женщину
Помянуть по-людски!

Нет, она не погибла,
Она остаётся на свете.

Просто вновь она стала
Чужой и красивой женой.
Я хочу рассказать,
Как влюбился бродяга
Бездумный и радостный ветер
В молодую и глупую женщину
Вьюжной холодной зимой.

Он летал и не знал,
Что священной свободы
Сегодня замки и заборы,
Что почти повсеместно
Стихи и любовь заменила жратва.
Он летал и не знал,
Что на нем увязались
Прохвосты, бандиты и воры, -
В тучах пыли они
Собирали чужое добро
И чужие слова.

С непутёвой лихой головой
Высоко от земной канители
Он старался не видеть,
А может и вправду не видел преград.
И за ним словно ворох измятых цветов
Платья женщин летели,
И красивых измен бушевал
Огневой листопад.

Он писал золотые стихи
И читал их осенним закатам.
Он скандалил, напившись
Дрянной городской духоты.
А потом ослабевшим,
Больным и насквозь виноватым,

Он садился и плакал,
Уткнувшись лицом
В голубые ночные кусты.

Так он плакал подолгу
Большими слезами младенца.
И хорошей погодой
Спускались к нему небеса, не дыша,
Потому, что в холодной груди его
Билось большое и доброе сердце,
И большая, как облако,
В нём трепетала душа.

И большая – пожаром степным –
Его совесть сжигала.
И большую
От этих огней обложных
Он испытывал боль.
Но ему, чудаку,
Даже этого было так мало! –
Он хотел отыскать в этом мире
Большую любовь.
Затихал ненадолго...
Он брезговал этим затишьем!
Под подвижной листвой,
Где о прошлом так слышима
Тихая грусть и тоска,
Он казался себе непонятым,
Пустым, позабытым,
Униженным, лишним.
И вздымая осевшую пыль,
Он встал для другого броска.

И опять за своё...
Но однажды,

С трудом отходя
От провальной попойки,
Среди мрази людской,
Что далёка от истинных дел,
Он увидел Её, и смутился,
Как тот первоклашка
От первой полученной двойки.
И почти ужаснулся,
Как долго Её он
И как ощутимо хотел.

Да! – Застыл он. – Вот именно эту!
Вот именно эту!
Ничего что вокруг
Только грязь да решётки,
Да песни тюремных петель.
Да!...И напрочь забыл,
Что судьба обязала его
Ветром рыскать по свету.
Так забыл, что весь мир
По нему зарыдать захотел!
- Отпусти мне грехи! –
Всё кричал он холодному небу, -
Куда мне с грехами?
Я большой и нескладный о них!
Я тяжёлый от них!
Улетал этот крик
И назад возвращался стихами.
И ещё тяжелей становился
Любой его – даже невинный
Коротенький стих.

- Научи меня жить! –
Я совсем человеческих законов не знаю.
Я всё время скитался!

Вселенная, жить научи!
...Ни намёка на звуки,
Ни ясного звёздного знака,
Только где-то к востоку
Колючие, злые, как волчьи глаза,
Пролетали лучи.

Дорогая моя, незакатная, снежная
Родина-мати,
Неужели и ты?..
Да, и ты голубые речные
От сына отводишь глаза!
Тишина... Только шорох снегов
Да какие-то вздохи
На еле живом перекате,
Да латунная лунная
Мёрзло звенит полоса.

Лишь тогда он умолк,
Когда понял – от этого мира
Не выждать ответа.
Из овраговой глины слепил, как умел он,
Подобье людского лица.
Сел зачем-то в машину
Красивого строгого цвета,
И наверное, стал на простого
Похож подлеца и дельца.

И поехал за ней,
Как за даром бесценным от Бога,
Все печали былые свои
Побросав на колючем снегу.
Он сказал ей: люблю! –
Не мудря, напрямую, с порога.
Стань хозяйкой моей!

Лучшей доли себе
Пожелать не смогу.

Зашептались вокруг.
Приоткрыли скрипучие двери.
Застреляли глазами с вопросом:
Откуда ты взялся такой?
А она помолчала и сухо сказала: не верю.
Не мешай, дурачок! –
И капризно махнула рукой.

Это было так просто –
Сказала и будто захлопнула ставни.
Он же был не из тех,
Что безропотно гасят свой пыл.
- Ты полюбишь меня!
Я заставлю тебя, нет, ты слышишь – заставлю!
Никого не любила! И я никого не любил!

Улыбнулась надменно в лицо,
Рассмеяться готова.
Но застыла от взгляда его непогожих
По-волчьи пустых одичалых очей.
Эти очи, которых совсем ничего
Не держалось земного
На земле могут быть
Только лишь у мечтателей да палачей.

Тут сказала она:
Дай мне время подумать.
В раздумья ушла с головою.
И совет созвала.
И стекалось на этот совет
Всё хорошее этого мира,
Безликое всё и плохое;

Всё, что было и есть;
Всё, чего не бывало и нет.

«Дайте мяса и зрелищ!» -
Орали на улицах толпы
Голодных и праздных.
И на всё мироздание не было
Более жгучих проблем и забот.
Он смотрел на людей,
И в его удивлённых глазах
От бессонницы красных
Отражался огромный
Бумагой обёрточной заткнутый рот.

Он бежал с площадей,
Укрывался в степях,
Как подбитая птица.
Вдалеке от дымов и домов
Слушал голос грядущей травы
Сквозь метельную мглу.
И не видел, чудак,
Что его даже там окружают
Чужие и злобные лица,
И слетаются липкие взгляды
К его лобовому стеклу.

...Пролетела неделя.
И мнилось ему:
Сотню раз народились
И вымерзли травы.
И на новую встречу он ехал,
Разбойничьим свистом колёс
Разогнав тишину...
Даже самый бездарный актёр
Может жить ожидаем славы,

И никто ему это
Не можем поставить в вину!

Кто-то мог бы сказать:
- Приглянулась смазливая баба –
А что здесь такого?
Это скоро пройдёт.
Оглянись – сколько брошено их позади!
В нашей жизни всё так прозаично
И так бестолково,
Что любовь нынче стала простой:
Повлюблялся один вечерок
Да спокойно иди!

Кто-то мог бы сказать:
- У неё же хороший мужик!
И на кой ты ей сдался?
Ах, оставь свои страсти,
Без них-то сплошное враньё!
Ну а если и вправду, любовь,
Ты как мамонт последний остался?
Посмотри, кто тебя окружает –
Одно вороньё!

Оставаясь былым,
Он не стал бы подобное слушать.
Своевольник, он жил на земле,
Но вселенскою высью влеком,
Он забыл в поднебесье
Свою перелётную душу,
Что кружилась над ним
Журавлиным – в заре – косяком.

Всё прекратится - поздно или рано.
Скажи друзьям – покуда не забыл,
Как ты шальной любовью урагана
Берёзовую веточку любил.
От голубой, от солнечной погоды
Поверх голов, поверх очередей,
Ты полетел счастливый от свободы
И в этот мир ввалился как злодей.
Пошёл планетой, под ноги не глядя,
Растапывая рощи и мосты.
А вслед летели стоны и проклятья,
Да женских юбок мятые цветы.
Ты презирал законы и заборы
И брезговал чужою теплотой.
Тебя любили подлецы и воры
За пыльный мрак, разбуженный тобой.
И вот, когда земля уже не знала,
Чем успокоить бешеный твой нрав,
Берёзовая веточка привстала,
Перед тобою листья растеряв...

Вот и всё. Ничего не осталось.
Весь я отдан грядущему дню.
Но за всё, что со мною случилось,
Ни единого пса не виню.
И хоть сроду я верил обману,
Оставляю незапертым дом.
Ни за чью спиною не встану,
Верю всем, и всему, и во всём.

Сыну Даниле

Я знаю, что придёт такое Завтра,
Где плодородным слоем ковыли
Осядет дым военного азарта
И скроет все ранения Земли.
И в тишину такая будет Вера!
Врагов – как пыль бывшего – отметёт,
И мира всепланетная премьера
С триумфом по галактике пройдёт!
И хорошо так будет: позабыться,
Поняв, что для тревоги нет причин,
Когда шальная утренняя птица
Нечаянно тебя разбудит, сын;
И снова будто в память окунуться
В ручей твоих серебряных волос;
Незванным гостем в прошлое вернуться,
Где столько много лишнего нашлось...
И так легко напишется о чём-то –
Полузабытом, добром, дорогом –
Как будто по лугам босой мальчонка
Со смехом побежит за мотыльком.